Б. И. СОВЕ

ПРОБЛЕМА ИСПРАВЛЕНИЯ БОГОСЛУЖЕБНЫХ КНИГ В РОССИИ В XIX—XX ВЕКАХ

Трагическое явление старообрядческого раскола, возникшего в связи с исправлением богослужебных книг при патриархе Никоне, настолько потрясло Русскую Церковь и запугало церковную власть, что с конца XVII в. прекращаются ее заботы об улучшении богослужебного текста, которые являлись традиционными с конца XV в. и выражались в многократном, можно сказать, почти непрерывном исправлении текста московскими справщиками — монастырскими старцами и протопопами в XVI и XVII веках.

Конечно, со стороны церковной власти и миссионеров — полемистов со старообрядцами не было недостатка в попытках доказать совершенство исправленного текста и его превосходство над старопечатным. Такую же оценку книжной справы во второй половине XVII в. давали труды старой школы русских церковных историков и расколоведов. Но беспристрастный анализ новоисправленных книг, которыми Русская Церковь и славянские балканские Церкви пользуются до сего дня, сравнительное изучение их с греческими и старопечатными книгами, последние работы русских историков и литургистов в начале XX в. установили новые факты, неизвестные даже корифеям русской исторической науки (например, Е. Е. Голубинскому), и показали дефекты справы. Никоновские справщики и их преемники, выяснилось, не пользовались греческими «харатейными» книгами, как утверждало предисловие к Служебнику 1655 г. Привезенные в большом количестве для справщиков с Афона Арсением Сухановым греческие рукописи не были ими использованы, обогатив лишь Московскую Патриаршую (Синодальную) библиотеку[1]. Навряд ли справщики и могли бы справиться со сложными текстуальными проблемами греческого рукописного наследия со множеством вариантов и разными редакциями чинов. Справщики разрешали задачу более просто, пользуясь печатными книгами, большей частью юго-западной печати.

Например, в основу справы Служебника 1655 г. был положен печатный юго-западный Стрятинский Служебник 1604 г. (издание еп. Гедеона Балабана)[2], но с заметными исправлениями его по греческому венецианскому Евхологию 1602 г.[3], который воспроизводил текст editio princeps «Αἱ θεῖαι λειτουργίαι» римского издания 1526 г. с его ярко выраженным латинским взглядом на пресуществление[4].

Отсюда, например, справщиками была внесена в анафору св. Василия Великого прибавка из Златоустовой литургии: «Преложив Духом Твоим Святым», которую согласно с древними греческими рукописями

---

[1] Белокуров С. Арсений Суханов. Т. I. М., 1891 (ЧОИДР), с. 416—420.

[2] Дмитриевский А. А. Отзыв о сочинении М. И. Орлова: Литургия св. Василия Великого. Первое критическое издание. СПб., 1909, в «Сборнике отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Имп. Академией Наук», IV за 1909 год. СПб., 1912, с. 250—251.

[3] Ibid., с. 256. Кандидатское сочинение М. Вертоградского. Исправление Служебника в Москве во второй половине XVII в. «Журналы Совета СПбДА 1913—1914 г.», с. 426—427.

[4] Дмитриевский. Op. cit., с. 235—236.

не знало русское литургическое предание ни в рукописном виде, ни в печатных изданиях до Служебника 1655 г.[1] Об этой прибавке, ныне исключенной из греческого Евхология, резко отзывались многие авторитеты, например, трудолюбивая «афонская пчела» — преп. Никодим Святогорец († 1809) в «Пидалионе»[2] и светило русской церковно-исторической науки — В. В. Болотов[3], а единственная наукообразная защита ее в русской богословской литературе проф. Н. И. Субботиным, вдохновленная антистарообрядческим пафосом[4], не является убедительной. В Служебник 1676 г. при патриархе Иоакиме была включена справщиком чудовским, «честным иноком» Евфимием († 1705)[5] статья «Изъявление о некиих исправлениях в служении Преждеосвященныя Литургии», заимствованная из знаменитого «Евхология» митрополита Петра Могилы (изд. 1646 г.), который внес ее под напором латинских и униатских полемистов (П. Аркудия и К. Саковича). Хотя Евфимий и смягчил весьма резкие слова Могилы о содержимом потира: «Вино, а не Владычняя Кровь точию церемониального ради обходу, употребляемо бывает, вместо полоскания уст», однако, и основная мысль «Изъявления», «что вино не пресуществлено в Кровь Божественную, понеже над ним словеса священия не чтошася, яко бывает в литургиях св. Василия Великаго и Иоанна Златоуста», вызвала практические предписания (например, способ причащения священнослужителей, непричащение младенцев), которых не знала древнерусская практика, и которые не указаны в современных греческих Евхологиях[6].

«Упорному эллинисту» Евфимию же, как ни странно, принадлежат и оставшиеся до наших дней в «Чиновнике архиерейского служения» некоторые следы латинского учения о времени преложения Св. Даров — «хлебопоклонной ереси»[7]. Им были внесены в «Чиновник» 1675 г., в основу которого было положено описание порядка патриаршей литургии в Константинополе — «Толкование ('ερμηνεία) Божественныя литургии, егда священнодействует архиерей по чину и обычаю восточныя Церкви» патриарха Афанасия Пателара[8] с изменениями, вызванными московской богослужебной практикой, из латинствующего Киевского Слу-

[1] Рукопись автора, собравшего большой материал в дополнение к изданию: Орлов М. И., прот. Литургия св. Василия Великого. СПб., 1909. Киприан, архим. Евхаристия. Париж, 1927, с. 275—276.

[2] В толковании на 19-е правило Лаодикийского Собора: «Когда иерей совершает литургию св. Василия Великого, то во время пресуществления и освящения Тайн ему не должно говорить: «Преложив Духом Твоим Святым», ибо это есть приставка некоего неученого и дерзкого, который, вооружась, по-видимому, против латинян, взял эти слова из литургии Златоустого и вставил их в литургию св. Василия. Между тем, слов этих ни в древних списках, насколько мы исследовали, не обретается, ни по словосочинению им нет здесь места». (Πηδάλιον Афины. Изд. 2, с. 249). Эта цитата с греческим подлинником у Мальцева А. Liturgikon. Berlin, 1902, с. 131—132, прим., ср. примечание на с. 64 Εὐχολόγιον τὸ μέγα. Афины, 1927.

[3] «Тупоумная греческая приставка..: nominativus (μεταβαλών) после длиннейшего infinitivus ('ελθεῖν) cum accusativo (πνεῦμα). Такая конструкция — просто клевета на Василия Великого и его афинское образование». Заметки по поводу текста литургии св. Василия Великого. (Письмо архиеп. Антонию). ХЧ, 1914, III, с. 286, и отдельно.

[4] Критика книги Т. И. Филиппова «Современные церковные вопросы» (СПб., 1882) — «Прибавления ТСО», 1883, III, с. 678—710.

[5] О нем, напр., Бранловский С. Чудовский инок Евфимий как справщик. ЧОЛДП, 1890, II, с. 463—470; Флоровский А. Чудовский инок Евфимий — один из последних поборников «греческого учения» в Москве в конце XVII в. Slavia, XIX (1949), с. 1—2, 100—152.

[6] Подробнее: Карабинов И. Св. Чаша на литургии Преждеосвященных Даров. ХЧ, 1915, VI, с. 729—753; VII—VIII, с. 953—964. Ср. Andrien Michel. Immixtio et consecratio. La consécration par contact dans les documents liturgiques du moyen âge. (Bibliotheque de l'Institut de droit canonique de l'Université de Strasburg, t. 2). Paris, 1924, VIII+268 стр.

[7] Напр., Миркович Гр. О времени пресуществления Св. Даров. Спор, бывший в Москве во второй половине XVII в. (Опыт историч. исследования). Вильна, 1886.

[8] Ильминский Я. Святитель Афанасий III, патриарх Константинопольский, Пателарий. Историко-биографическое исследование. Киев, 1915.

жебника 1639 г. указания о возложении епископом омофора перед установительными словами[1] и поклонах хора после них[2].

Справщики конца XVII в. не всегда до конца согласовывали свои изменения текста. Так, например, справщики Устава 1682 г., порвав связь с традицией Греческой Церкви, сохранившейся до настоящего времени[3], и с древнерусской практикой, произвольно перенесли празднование Сретения Господня на неделю Сыропустную, если оно приходится в понедельник первой седмицы Св. Четыредесятницы (как было, например, в 1915 г., когда православные и старообрядцы праздновали в разные дни), но забыли исключить из того же Устава указание на возможное предпразднство в неделю Сыропустную. Правда, в следующем издании Типикона 1695 г. и это указание было опущено, но оно сохранилось в Триодях до наших дней[4].

Прекращение справы в конце XVII в. создало неподвижность текста богослужебных книг. Развитие богослужебного обряда на Руси, особенно в последние дни Страстной седмицы (вынос Плащаницы на вечерне Великого Пятка, крестный ход с ней на утрени Великой Субботы, внесение ее в алтарь), не нашло отражения ни в современном Типиконе, ни в Триоди и вызывает местные особенности в отправлении этих обрядов и произвол в ущерб благолепию богослужебного единообразия[5].

Современный русский Типикон, за исключением небольшого количества строк, является перепечаткой издания 1695 г. и не имеет памятей многих русских святых[6], службы которым вообще с большим трудом

---

[1] По «Толкованию» Афанасия, омофор возлагается после возгласов перед призыванием Святого Духа.

[2] В литургии Иоанна Златоуста: «Глаголет архиерей: Приимите ядите... Лик творит поклон, поя: Аминь... И показуя архиерей ко св. Потиру, глаголет: Пийте от нея вси... Лик поклоняяся поет». В «Толковании» поклонов нет. Подробнее о составлении «Чиновника»: Дмитриевский А. А. Отзыв о сочинении М. И. Орлова «Литургия св. Василия Великого», СПб., 1909, с. 182—193; Ильминский. Op. cit., с. 154; Карабинов. Op. cit., ХЧ, 1915, VII—VIII, с. 957—960.

[3] Напр., Τυπικὸν τῆς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας. Афины (s. a.), с. 180.

[4] Напр., киевское издание Триоди 1907 г. Подробнее: Архим. Никанор (Кудрявцев) (1884—1929, кандидат богословия МДА, вып. 1909 г., настоятель Никольского Единоверческого монастыря, заведывавший Хлудовской библиотекой). Вопрос о праздновании Сретения Господня в Великий пост по литургическим данным прошлого и современным. ТКДА, 1915, V, с. 109—124.

[5] Напр., Булгаков С. Настольная книга для священно-церковнослужителей Изд. 3, Киев. 1913, с. 609—610, 620. Ср., напр., практику выноса плащаницы в Великий Пяток, если в этот день празднуется Благовещение. Дмитриевский А ХЧ, 1888, IX—X, с. 561—570.

[6] 4.IX — иконе Б. М. «Неопалимая Купина». 4.IX — свят. Иоасафу Белгородскому. 12.IX — преп. Симеону Верхотурскому. 24.IX — преп. Никандру Псковскому. 25.IX — преп. Евфросинии Полоцкой. 15.X — свят. Иоанну Суздальскому. 20.X — прав. Артемию Веркольскому. 27.XI — блгв. князю Андрею Смоленскому. 6.XI — свят. Герману Казанскому. 7.XI — преп. Кириллу Новоезерскому. 9.XI — иконе Б. М. «Скоропослушница». 11.XI — преп. Мартирию Зеленецкому. 11.XI — великомуч. Мине. 9.XII — иконе Б. М. «Нечаянная Радость». 27.V — преп. Ферапонту Можайскому. 7.IV — преп. Даниилу Переяславскому. 2.I — прав. Иулиании Лазаревской. 8.I — священномуч. Исидору и иже с ним. 13.I — преп. Елеазару Анзерскому. 17.I — преп. Антонию Дымскому. 23.I — преп. Геннадию Костромскому. 25.I — иконе Б. М. «Утоли моя печали». 25.I — свят. Моисею Новгородскому. 28.I — преп. Ефрему Новоторжскому. 14.II — разноап. Кириллу, учителю Словенскому. 4.III — блгв. князю Даниилу Московскому. 6.III — муч. Авраамию Болгарскому. 14.III — иконе Б. М. Феодоровской. 6.IV — свят. Мефодию Моравскому. 14.IV — Литовским мученикам: Антонию, Иоанну и Евстафию. 5.V — преп. Иакову Железноборовскому. 7.V — иконе Б. М. Любечской. 7.V — преп. Нилу Сорскому. 15.V — преп. Корнилию Палеостровскому. 5.VI — преп. Вассиану и Ионе Пертоминским. 5.VI — блгв. князю Феодору Новгородскому. 6.VI — преп. Паисию Угличскому. 8.VI — свят. Феодору Ростовскому. 11.VI — преп. Аркадию Новоторжскому. 12.VI — преп. Арсению Коневскому. 12.VI — преп. Анне Кашинской. 14.VI — преп. Мефодию Пешношскому. 16.VI — преп. Тихону Луховскому. 18.VI — иконе Б. М. Боголюбской. 30.VI — преп. Петру, царевичу Ордынскому. 2.VII — иконе Б. М. Ахтырской. 6.VII — прав. Иулиании Ольшанской. 7.VII — преп. Евдокии-Евфросинии. 10.VII — иконе Б. М. Коневской. 14.VII — преп. Стефану Махрищскому. 21.VII — преп. Авраамию Городецкому. 27.VII — блаж. Николаю Кочанову. 28.VII — свят. Питириму

попадают в богослужебные минеи. Большая часть их напечатана отдельными изданиями. Ни в Типиконе, ни в других богослужебных книгах нет, конечно, указаний на весьма распространившуюся в России, но неизвестную православному Востоку[1] практику чтения акафистов, количество которых прогрессивно росло в XIX и XX веках[2], и пассий[3]. Со стороны высшей церковной власти богослужебное употребление акафистов никакими другими распоряжениями не регулировалось, кроме разрешения их к печатанию. Отношение же к ним многих деятелей и иерархов было резко отрицательным[4], так как некоторых беспокоило вытеснение современными акафистами произведений древней церковной гимнографии[5], другие же указывали на дефекты большей части акафистов со стороны их содержания и стиля[6].

Не отражая изменений, происшедших в богослужебной практике, Типикон сохранил довольно много указаний, утративших в настоящее время всякое практическое значение, не говоря уже о некоторых совершенно темных для понимания местах, требующих комментария ученых литургистов[7].

Проф. литургики МДА И. Д. Мансветов в своей пионерской работе по истории Типикона в 1885 г., не касаясь радикального вопроса о

Гамбовскому, 30.VII — преп. Герману Соловецкому. 8.VIII — иконе Б. М. Толгской 8.VIII — преп. Зосиме и Савватию Соловецким. 22.VIII — иконе Б. М. Грузинской.

[1] Напр., архим. Антонин (Капустин) (1817—1894) в докладе обер-прокурору А. П. Толстому. Архим. Киприан. О. Антонин Капустин — архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Белград, 1934, с. 99.

[2] Попов А. Православные русские акафисты, изданные с благословения Св. Синода. Казань, 1903 г. Дополнительно: рукопись автора.

[3] О двух их типах и истории см. Галкин М., свящ. Пассии. «Приходский священник», 1913, II, с. 255—261. Иадор, иером. Чинопоследование «пассии». Киев, 1909. Голубев С. Т. Когда и кем введены в южнорусскую обрядность пассии? Киевские епарх. ведомости, 1874, № 7, с. 161—165. Чин киевской «пассии», по распоряжению архим. Иоасафа Кроковского, был напечатан в приложении к Цветной Триоди 1702 г.

[4] Напр., когда в 1867 г. под Преображение в Успенском соборе Троице-Сергиевой Лавры наместник архим. Антоний читал акафист Спасителю, то Нил, архиеп. Ярославский, с возмущением заметил гр. М. И. Толстому: «Вы описываете все древности, вот опишите новости, чтобы все знали, что в Лавре вместо кафизм воспевают акафист. Много смелости, чтобы не сказать дерзости, а к чему это?» Прот. А. Беляев Проф. Моск. дух. академии П. С. Казанский и его переписка с архиеп. Костромским Платоном. БВ, 1912, IX, с. 170.

[5] «Народ, без дальнейшего рассуждения, привлекаясь новым и необыкновенным, прилепляется к употреблению сих акафистов с охлаждением к древнецерковному общему чину богослужения». Митр. Киевский Евгений (Болховитинов). Котович А. Духовная цензура в России (1795—1855). СПб., 1909, с. 57. «У нас есть страсть писать акафисты, а нет охоты хорошо читать каноны. Если читались бы хорошо составленные каноны, то сего достаточно было бы для возбуждения духа молитвенного. Посмотришь на древних отцов наших... А нельзя сказать, чтобы древние не умели молиться, не умели прославлять подвиги святых». Прот. А. В. Горский в письме к проф. С. К. Смирнову. У Троицы в Академии. Сергиев Посад, 1915, с. 473.

[6] «Всем новым творцам акафистов надобно пожелать, чтобы их акафисты были произведением духа, а не литературы, чтобы они читающего возводили бы к созерцанию, или погружали в умиление, и питали назидательностию, а не осыпали градом хвалебных слов, с напряженным усилием отовсюду собранных». Митр. Московский Филарет в письме А. Н. Муравьеву № 338. Письма митр. Филарета А. Н. Муравьеву (1832—1867). Киев, 1869.

«Я прочитал это творение (акафист свят. Тихону Задонскому, составленный воронежской комиссией), или, точнее сказать, пустословие учителей, не умеющих отличить акафиста от молитвы, не знающих церковнославянского языка и вообразивших св. Тихона, яко бога всемогущего». Порфирий (Успенский), еп. Чигиринский. Сырку П. Описание бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им в Имп. Академию Наук по завещанию. (Прил. к 64 тому «Записок Имп. Академии Наук», № 9). СПб., 1891. Об этом же акафисте митр. Филарет отзывался: «Думается, что лучше не спешить сорвать недозрелый плод, а подождать зрелого». Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского. Т. V, ч. 1. М., 1887, с. 248.

[7] О недостатках современного Типикона см. Мансветов И. Церковный Устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской Церкви. М., 1885, с. 341—349. Рецензия Дмитриевского А. на этот труд Мансветова в ХЧ, 1888, IX—X, с. 570—573). Ср. Фоменко К. И. Какая пища в Церковном Уставе о посте именована стариды, армеа, комбоста и фаво слано? «Церк. вестник», 1905, № 13, с. 555—556.

реформе Устава, перечисляет его дефекты, неточности и противоречия. «Чтобы исправить их, следует вновь пересмотреть текст дисциплинарных статей, сличить их между собой и уладить противоречия. Далее следует строже определить объем извлечений из тактикона и восстановить их правильное чтение согласно с подлинником. Это, конечно, нимало не исключает тех изменений в тексте, которые оказались бы необходимыми для соглашения никоновых правил с указаниями Иерусалимского устава и других источников. Для достижения точной редакции этих статей необходимо принять во внимание как старославянский перевод тактикона, так и древние списки уставов, куда вошли эти извлечения. Греческие меры, технические названия предметов стола и одежд, местно-греческие бытовые и литургические термины должны быть объяснены на полях или в подстрочных примечаниях и, где можно, заменены соответствующими, более понятными, выражениями из языка общецерковного и местно-русского. Наши справщики обращали внимание на эту сторону дела, но не довели задачи до конца, ограничившись полумерами. В таком положении начатого, но не оконченного, остается дело до сих пор, и теперешний печатный типик не удовлетворяет ни верному изданию подлинного текста этих статей, ни общедоступному вразумительному их изложению»[1]. «Можем высказать пожелание, чтобы текст церковных песней в уставе был подвергнут строгому пересмотру, сверен с греческими источниками и в случае надобности исправлен»[2].

Главным печальным недостатком оставленных нам справщиками XVII в. богослужебных книг является не всегда удовлетворительный перевод греческих текстов, иногда ошибочный, иногда весьма темный, неудобопонимаемый[3]. Особенно последний дефект наблюдается в переводах гимнографических текстов некоторых канонов, например, на Господские праздники.

«Эти ошибки и погрешности произошли или от неправильного перевода греческих глагольных, именных и вообще грамматических форм, или от неискусного подбора неподходящих значений греческих слов, в частности, от смешения одних слов с другими, сходными в орфографии и произношении, но отличными по значению, частью от неправильного, ошибочного чтения греческих слов и, наконец, от опечаток. Кроме того, ... встречается не мало устаревших славянских слов и речений, или непонятных в настоящее время, или имеющих совершенно другое значение. Все эти и подобные недостатки означенных книг не только затрудняют пользование ими, но, при неопытности употребления этого материала могут привести к несогласным с православным учением выводам»[4]. Такую характеристику богослужебного текста дает официальная докладная записка незадолго до революции. Почти одновременно с этим документом на ту же тему, но более страстно и со скорбью, высказывается издатель-переводчик «Молитв и песнопений православного молитвослова» Н. Нахимов, сторонник сохранения славянского языка. «Все... отрицательные свойства церковно-славянского текста наших молитв и песнопений привели к тому, что самые

---

[1] Мансветов. Op. cit., с. 350.

[2] Ibid., с. 365.

[3] Интересен список темных, непонятных мест в «Молитвослове» киевского издания 1850 г., объяснения которых у архиепископа Иннокентия просил вел. князь Константин Николаевич в письме из Венеции от 17(29) января 1852 г. Востоков Н. М. Иннокентий, архиеп. Херсонский и Таврический. «Русская старина», 1879, IV, с. 691—695. Примеры неудобовразумительных мест — в отзыве еп. Нижегородского Назария Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. II, СПб., 1906. с. 459—460.

[4] Об издательском Совете при Св. Синоде. «Церковные ведомости», 1913, №№ 18—19, приб. 797. Примеры неправильного перевода, напр., у Голубинского Е. О реформе в быте Русской Церкви (ЧОИДР, 1913, кн. 3). М., 1913, с. 124.

молитвы и песнопения, даже многие из обыденных и, на первый взгляд, простых, непонятны не только народу, но и духовным лицам, как это ясно показывают издаваемые последними учебники, толковые молитвословы... А ведь эти издания принадлежат обыкновенно лицам незаурядным.

Есть очень большое число песнопений, смысл которых улавливается.. лишь в общих чертах, в частностях же толкуется каждым по-своему и иногда весьма превратно. «Жезаны и жеможаху», к сожалению, взяты из жизни, а не кощунственно измышлены. Мы сами были свидетелями, как одна очень благочестивая, церковно и светски образованная дама выражала скорбное недоумение, почему ее больное и слабое «телесе» именуется «лютым» и на него призывается «Божие озлобление» ...Создается положение... поистине ужасное, и длится оно у нас, все усиливаясь, страшно сказать, уже десятый век. Высший образованный класс давно охладел к церковной поэзии, и не по безверию, в чем его огульно укоряют, а по непониманию ее; за ним в том же направлении, и очень быстро, идет народная масса»[1].

Сокрушался о темноте и трудности для понимания богослужебного текста святитель Феофан Затворник († 1894). Так, например, он писал духовному писателю Н. В. Елагину 3 января 1882 г.: «...Ушинский пишет, что в числе побуждений к отпадению в штунду совратившиеся выставляют, между прочим, то, что у нас в церкви ничего не поймешь, что читают и поют. И это не по дурному исполнению, а потому, что само читаемое — темно. Он пишет, что поставлен в тупик, когда ему прочитали какой-то тропарь или стихиру и просили сказать мысль. Ничего не могу сказать: очень темно. Из Питера писали мне две барыни то же об этом: у Пашкова все понятно, у нас — ничего. Ничего — много, а что много непонятного — справедливо. Предержащей власти следует об этом позаботиться... и уяснить богослужебные книги... оставляя, однако, язык славянский... Книги богослужебные по своему назначению должны быть изменяемы. Наши иерархи не скучают от неясности, потому что не слышат... Заставили бы их прочитать службы, хоть бы на Богоявление»[2].

Через три месяца еп. Феофан снова возвращается к этой теме в письме к Елагину от 18 апреля. «Богослужебные книги надо вновь перевести, чтобы все было понятно... Кто только станет вчитываться или вслушиваться, непременно кончает вопросом: да что ж это такое?.. Архиереи и иереи не все слышат, что читается и поется. Потому не знают, какой мрак в книгах, и это не по чему другому, как по причине отжившего век перевода»[3]. Еп. Феофан повторяет свои мысли в письме к Первухину от 1 октября 1884 г. в связи с появившимся переводом канонов еп. Августина. «Что же касается до лучшего перевода богослужебных книг, то об этом я так думаю: наши богослужебные книги — неоцененное сокровище молитвы, догматствования православного и нравоучения. Потому их надлежит блюсти и соблюдать в том же духе, как есть. Но перевод их следует улучшить — или снова перевести, не на русский, а на славянский же, только чтобы изложение было понятно. В этом роде перевод уже начат в «Душеполезном чтении»... Чтобы из-за этого вышло что раскольническое, нечего бояться. Прошло время»[4].

Торжества в память 900-летия крещения Руси служили хорошим поводом к новому переводу, по мнению еп. Феофана (письмо Елагину

[1] Нахимов Н. Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян) с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями. СПб., 1912, с. 338—339.

[2] Собрание писем святителя Феофана. Вып. VII. М., 1901, с. 155—156. Цитируется по статье прот. И. Королькова. Преосвященный Феофан, б. епископ владимирский и полковник С. А. Первухин в их взаимной переписке. ТКДА. 1915. VI. с. 302—304.

[3] Ibid., с. 302.

[4] Ibid., с. 300—301.

от 1 июня 1887 г.): «К юбилею приготовить одну какую-нибудь, например, Октоих или Цветник, Минею праздничную или еще что. Ныне — завтра надо же это сделать. Почему не приурочить этого к такому событию?» Еще через два года святитель возвращается к тому же вопросу (письмо от 16 августа 1889 г.): «Для начала определения переводить богослужебные книги достаточно одного напоминания о необходимости сего, потому что все знают и чувствуют сию необходимость. Не достает толчка»[1].

Указанные общеизвестные недостатки богослужебных книг, оставленных нам справщиками второй половины XVII в., и необходимость их исправления почти не интересовали русскую церковную иерархию в XVIII в. и первой половине XIX в. или же в лучшем случае в силу общего церковно-политического курса (например, в протасовскую эпоху) не встречали с ее стороны никакого другого к себе отношения, кроме вынужденного молчания. «Усвоенная церковной властью и односторонне понятая обязанность прежде всего охранять неприкосновенность церковно-богослужебных книг заставила ее довольно равнодушно относиться к вопросу, насколько понятен для верующих самый текст»[2].

Конечно, могут быть указаны некоторые факты заботы Св. Синода о богослужебном тексте, но они имели весьма второстепенное значение. Например, при Петре Великом, когда были еще живы некоторые справщики конца XVII в., обнаружилось расхождение между текстами книг московского и киевского издания. Из Синодального Архива за 1724—1725 гг.[3] видно, что справщики Московского Печатного Двора: монах Феолог, Алексей Барсов, Андрей Иванов, Иоанн Максимович и Иоасаф Кречетовский занимались сличением текстов Триоди Цветной этих изданий и обнаружили разночтения, весьма несущественные. Например: «Что Тя наречем, о Обрадованная» (Киевская) — «Что Тя наречем, о Благодатная» (Московская). «Людие превозносите Господа во вся веки» (Киевская) — «Людие превозносите во вся веки» (Московская).

В 1744 г., обнаружив в литургиях Василия Великого и Иоанна Златоуста «некия с греческими служебниками несогласия», Синод определил 3 декабря[4]: «Служебники с греческими освидетельствовать и исправить и представить Св. Прав. Синоду, по обыкновению Синодальному члену — Симону, архимандриту Ипацкому».

Однако, когда Синоду была представлена «особливая выписка тем несходствам, какие оказались в Служебнике Московской печати сравнительно с греческим оригиналом», то он определением от 4 марта 1770 г. отказался произвести более радикальную справу Служебника и постановил: «Служебник, дабы от исправления ево не воспоследовало каковых-либо сумнительных толкований, печатать против прежняго»[5].

Но одновременно Синод определил: «Объявленные в донесении Московской Синодальной Конторы и в приложенной выписке оказавшиеся в печатаемых в Московской типографии книгах месячных Минеях и Ирмологиях некоторые речи, с греческими несходные, также и в Часословах учебных и в святцах неисправности по мнению Синодальной Конторы исправить»[6].

---

[1] «Церковный вестник», 1900, № 34, с. 1032

[2] Котович А. Op. cit., с. 216.

[3] Дело 49. 1 февраля 1724 г.; 415. 7 апреля 1725 г. Описание документов и дел Архива Св. Синода, IV (1724). СПб., 1880, столб. 54—55.

[4] Дело Архива Св. Синода за 1743 г. от 16 мая за № 26. Никольский А. Иеромонах Софроний (Младенович), игумен Московского Знаменского монастыря. Отрывки из истории перевода и исправления богослужебных книг и святоотеческих творений. Сборник в честь академика А. И. Соболевского.

[5] Дело Архива Св. Синода за 1769 г. от 30 декабря за № 31. Никольский Op. cit., с. 149

[6] Ibid., с. 148—149

Архиепископ Филарет (Гумилевский) в «Обзоре духовной русской литературы»[1] придает большое значение трудам иеромонаха Софрония (Младеновича)[2] по исправлению Триоди Постной, однако они состояли, главным образом, в исправлении типографских ошибок.

В январе 1769 г. иеромонах Софроний, по приезде в Россию в 1759 г. исполнявший разные переводческие работы по поручению Синода[3], доносил Синоду о «деле, до Церкви Св. касающемся». «А понеже мне не нарочно случилось читать некоторые места в Триоди Постной на славянском языке и усмотреть некоторыя несходства с греческим оригиналом, как в приобщенном при сем реестре можно увидеть, из чего можно заключить, что и в этой книге и в минеях месячных немало несходств, поправки требующих, найдется, не прикажет ли Св. Синод все церковныя каноническия книги мне единому в свободное от положенной на меня должности время пересмотря выписку несходных речений чинить и через два месяца при рапортах Св. Синоду представлять»[4]. Синод определением от 4 февраля 1769 г. ограничил этот предложенный Младеновичем проект систематического пересмотра всех богослужебных книг проверкой текста Триоди Постной: «Иеромонаху Софронию на первый случай... Триодь Постную... с греческим оригиналом освидетельствовать и, какие несходства окажутся, учиня выписку прислать в Св. Синод». Это поручение иером. Софроний выполнил в несколько месяцев. Сравнив Триодь 1915 г. с греческим подлинником. печатным и рукописью(?), кроме паримийных чтений, он 22 июня представил «выписку несходств». Синодальное определение состоялось лишь 1 марта 1770 г. Рассмотрение всего материала и исправление «в чем следует» передавалось еп. Тверскому Гавриилу (Петрову)[5], исполнявшему и другие поручения Синода по исправлению богослужебных чинов[6]. Только через 4 года — 20 июня 1774 г. — Гавриил, тогда уже архиеп. С.-Петербургский, смог доложить Синоду, что он рассмотрел «выписку на Постную Триодь о оказавшихся с греческим оригиналом несходствах... и оказавшиеся достойными поправления слова во оной выписке отметил, и сверх того, по записанному в Журнале Св. Синода мая 21 дня сего года приказанию и в самой печатной Постной Триоди против тех отметок все те слова... исправил». Сравнивая выписку с Триодью 1704 г., он обнаружил, что «многие исправления» Младеновича касаются вкравшихся в новые издания типографских ошибок, «которые смысл стихов потемнили». Эти ошибки побудили

[1] «Он много занимался исправлением церковных книг и проверял по подлинникам две триоди». Кн. 2 (1720—1758). СПб., 1861, с. 58.

[2] Серба, уроженца «города венгерского». Неофит (Новый Сад) († 1781). Русск. биограф. словарь, XIII, с. 165—166. Никольский А. Op. cit., с. 119—157. Андреев В. (А). Сербский иеромонах Софроний Младенович в России 1721—1760—1781. М., 1912 (90 стр.). Ср. Серб Софроний Младенович и его деятельность в России. Протокол 112 заседания Славянской Комиссии Императ. Московского Археологического Общества. Древности. Труды Славянской Комиссии Имп. Моск. Археол. Общества. Т. V, М., 1911, с. 59—60.

[3] Напр., в 1760 г. он перевел с новогреческого «Толкование Божественной литургии» — Κατήχησις ἱερά, но Синод по отзыву синодального переводчика Григория Политики не разрешил напечатать. Никольский. Op. cit., с. 122.

[4] Дело Архива Св. Синода от 28 января 1769 г. за № 30. Никольский. Op. cit., с. 133.

[5] О нем, напр., Титлинов Б. Гавриил (Петров), митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский (1730—1801). Его жизнь и деятельность. Пгр., 1916 (1197 стр.)

[6] Напр., новое последование в неделю Православия 1767 г. Титлинов. Op. cit. с. 267. Никольский К. Анафематствование, совершаемое в первую неделю Великого поста. СПб., 1879, с. 36—52. Опись дел и документов Архива Св. Синода 1749 г. Дело 206/20. Полное собрание приказов и распоряжений (далее: ПСПиР) Царствование Екатерины II. I, № 333. В 1783 г. — «Чин благословения отроков, в училище учитися священным писаниям идущим». ПСПиР. Царствование Екатерины II II, № 1093.

В 1798 г. митр. Гавриил исправил молебное пение о болящих. Титлинов. Op. cit., с. 1145. ПСПиР. Царствование Павла I. (1915), № 234, с. 223—224.

Синод вынести следующее постановление: «А как усмотрены... многие погрешности против издания 1704 г., то дабы и в протчих книгах разных погрешностей остаться навсегда не могло, другие книги при первом с получения посланного по сему указа печатания с оригиналами печатными около 1700 г. свесть, и есть-ли где сыщутся погрешности, оныя исправить, а буде о чем окажется сумнительство, о том представить Св. Синоду с мнением»[1]. Исправленную же митр. Гавриилом Триодь «хранить в Синодальном Архиве» до нового ее издания. Вероятно, исправления Младеновича вошли в Триодь Московского издания 1777 г.[2]

Архиепископ Филарет приписывал Софронию исправление и Триоди Цветной, однако занимавшийся его литературной деятельностью А. Никольский не нашел никаких следов в Синодальном Архиве[3].

К этому же времени относится и весьма неудачное, хотя и весьма понятное, постановление Синода от 28 октября 1769 г. о замене в Триоди древнего паримийного текста текстом Елизаветинской «новоисправленной» Библии 1751 г.: «Означенныя имеющияся в Триоди Постной в паримиях против Библии несогласия в той Триоди исправить в сходственность с новоисправленной Библиею, а когда оныя Триоди впредь будут печататься, тогда в оных печатать против тогоже, как что во оных печатных библиях положено»[4].

Типичным для отношения высшей церковной иерархии к делу исправления богослужебных книг в середине XIX в. являются взгляды великого Московского митрополита Филарета. С ними нас знакомит письмо московского протоиерея Александра Невоструева от 8 июня 1849 г.[5] к брату Капитону Ивановичу, обессмертившему свое имя «Описанием славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки». Митрополит Филарет, «напуганный прицепками бестолковой старины еще при первом издании Катихизиса, а также при издании русского перевода Псалтири и Нового Завета, стал слишком осторожен или даже робок и начал глядеть сквозь пальцы на все нелепости наших богослужебных книг». Митрополит, проводя охранительно-консервативную церковную политику, весьма неохотно соглашался, что в Служебнике встречаются грубые ошибки («стало быть, ты критикуешь нынешний Служебник»), и неправильная расстановка знаков препинания... «Человек, славящийся необыкновенною проницательностью, подобно слабоумным раскольникам, кои говорили, что православные молятся духу лукавому, читал в молитве при крещении: «Ниже да снидет с крещающимся, молимся тебе, дух лукавый»...[6] В этом письме А. Невоструев приводит и другой пример грубой ошибки в Служебнике: «Ихже мольбы, Благоутробне, прими, Христе мой, и свету Сына Твоего соделай служителя»[7]. Невоструев в отзыве о старообрядческих раскольничьих книгах[8] указал митрополиту на эти ошибки.

«Против этой заметки он сделал грозную ноту и при возвращении мне этой тетради, считая меня пойманным в нелепости, с торжеством победителя начал было изводить меня в позор, т. е. триумфовать, или, лучше, издеваться надо мною. «Что это написал ты? Ты находишь у Христа Сына и делаешь его служителем света, т. е. огнепоклонником». Когда же Невоструев объяснил, что он указал именно на эту ошибку,

---

[1] Дело Архива Св. Синода 1766 г. от 27 марта за № 16. Никольский. Op. cit., с. 134.

[2] Никольский. Op. cit., с. 135.

[3] Ibid., с. 148.

[4] Дело Архива Св. Синода от 3 марта 1748 г. за № 7. Никольский. Op. cit., с. 146—148.

[5] У Троицы в Академии, с. 317—319, прим. 3.

[6] В современном Требнике: «Молимся Тебе, Господи.., ниже да снидет с крещающимся дух лукавый».

[7] В исправленном Служебнике: «и сыном света соделай Твоего служителя»

[8] Ср. «Православное обозрение», 1874 г., с. 520—521.

митрополит возразил: «Стало быть, ты критикуешь нынешний Служебник». Невоструев ответил, что «желал бы читать это место исправнее». «Для этого стоит только поставить комму, поставленную после слова «Твоего», на другое место и подразумевать «мене», — сказал митрополит.

В 60-х годах некоторые богослужебные тексты переводил с греческого московский протоиерей Василий Петрович Нечаев (архиепископ Виссарион) [1], но и ему пришлось тоже испытать крайне сдержанное отношение митр. Филарета к этим его трудам.

Так, он с тревогой пишет своему учителю и вдохновителю проф. А. Горскому 5 апреля 1861 г. [2], жалуясь, что в библиотеке Московской семинарии не оказалось богослужебных книг в новогреческом переводе преп. Никодима Святогорца — Νικοδήμου Ἁγιορείτου Ἑορτοδρόμιον (Венеция, 1836), прибавляя, что «там нет ни одной греческой богослужебной книги»...[3] «Переведенную мною с греческого службу в неделю Ваий я недели две тому представил» митрополиту, «и до сих пор не имею ответа. Из перевода службы в Благовещение Владыка разрешил напечатать самую малую часть [4] и в записке ко мне заметил, что остальное по однообразию было бы утомительно для читателя. Вероятно, такая же судьба постигнет мой перевод вербной службы».

Впрочем, она была напечатана в «Душеполезном чтении» [5].

Через несколько дней (10 апреля 1861 г.) В. П. Нечаев просит Горского прислать «Никодимов новогреческий перевод известной Триоди — для соображений с ним моего перевода в праздник Пятидесятницы. Владыка разрешил нам кое-что напечатать из стихир в неделю Ваий [6], а об остальных справедливо отозвался, что оне и однообразны и не точно соображены с Евангельским повествованием» [7].

Просимую книгу Никодима «Толкование на каноны» [8] Нечаев получил от Горского, но «не мог сделать употребления, потому что мы», вероятно, по требованию митрополита, «отложили на неопределенное время печатание переводов с греческого церковных песнопений» (письмо от 10 октября 1861 г.) [9].

Впрочем, в последние годы своей жизни митр. Филарет, вероятно, смелее стал думать об исправлении богослужебных книг. После его кончины (1867) «у него остались два месяца служебной минеи на греческом языке, взятых у нас для исправления некоторых мест в наших

---

[1] (1822—1905). 3-й магистр XVI курса (1844—1848) МДА, издатель «Душеполезного чтения» (1860—1889). ПБЭ, III, с. 513—517. Смирнов С. К. История Московской духовной академии до ее преобразования (1814—1870). М., 1879. Журналы МДА за 1894 г., с. 110—113. Корсунский И. Н. Преосвященный Виссарион, еп. Костромской. М., 1898. Романов Д., свящ. Преосв. Виссарион... как церковный проповедник и духовный писатель. «Душеполезное чтение», 1906, IV, с. 7—34.

[2] Корсунский. Op. cit., с. 25—26.

[3] Вообще, как ни странно, но «у нас на Руси достать греческую богослужебную книгу — это все равно, что найти клад. Даже выписать книгу из-за границы трудно: книгопродавец не знает, куда обратиться. Библиотеки, даже крупные, не держат этих книг; нет их и в библиотеках духовных семинарий, где, по действию какого-то злого рока, полки библиотеки гнутся не под книгами Романа Сладкопевца, Космы Майюмского, Иоанна Дамаскина и т. д., а под учебными изданиями Геродота, Гомера, Ксенофонта» (П. Мироносицкий. «Церковные ведомости», 1913, № 2, прим. 93). Эти строки были написаны в 1913 г. А что было раньше?

[4] «Душеполезное чтение», 1861, I, с. 338—347 (напечатаны тропарь, кондак, некоторые стихиры, ирмосы).

[5] Ibid., с. 523—532.

[6] Ibidem.

[7] Корсунский. Op. cit., с. 26—27.

[8] Единственное из всех толкований канонов «афонской пчелы» — на Воздвижение в русском переводе проф. И. Корсунского — увидело свет в 1899 г. Никодим. Толкование канона на Воздвижение. М., 1899. 127 стр.

[9] Корсунский. Преосв. Виссарион, с. 28—29.

богослужебных книгах», сообщает проф. Казанский своему брату 4 декабря 1867 г.[1]

При всей своей осторожности в отношении справы и изъяснительных переводов богослужебных текстов на русский язык митр. Филарет сам перевел на русский язык акафист Пресвятой Богородице со следующим примечанием: «Некоторые церковные песнопения, превосходные глубиною и полнотою духовного разума, заключенного в кратких изречениях, по сему самому не для всех удобовразумительны, а также и по древности языка. Посему деланы уже были опыты переложения таковых песнопений на русское наречие... Некоторые изъявили желание иметь русское переложение и акафиста Пресвятой Богородице, как пособие для удобнейшего уразумения онаго»[2].

Надо сказать, что еще прот. А. Невоструев отмечал, что «наш премудрый архипастырь иногда бывает, как говорят светские, непоследователен или неверен сам себе: что себе позволяет, то в других охудшает, критикуя даже собственные мысли, слова и выражения, встречаемые у других. Сие мог бы я подтвердить множеством доказательств»[3].

Митрополиту Филарету принадлежат и другие опыты, впрочем, неопубликованные, переложений гимнографических текстов на русский язык. Так, например, в бумагах прот. А. Невоструева сохранилось переложение кондака Преображению (20 августа 1866 г.):

«Преобразился днесь Ты на горе, Христе,
И славу там Твои ученики узрели,
Дабы, когда Тебя увидят на Кресте,
Страдание вольное Твое уразумели
И проповедали вселенной до конца,
Что Ты — Сияние Отца»[4].

Несмотря на сдержанное отношение церковной власти к справе богослужебных книг, труды некоторых переводчиков вышли из печатного станка в частном порядке. Прежде всего, надо указать на появление в духовных журналах в первой половине XIX в. русских переводов канонов, наиболее трудных для понимания в их церковнославянской оболочке.

Инициатива возникла в С.-Петербургской духовной академии и принадлежала архиеп. Херсонскому Иннокентию (Борисову) († 1857), занимавшему в 1825—1830 гг. должность инспектора академии. Он вдохновил бакалавра греческого языка Михаила Измайловича Богословского[5], впоследствии протопресвитера Большого Московского Успенского собора и члена Московской синодальной конторы. Богословскому принадлежат переводы праздничных канонов на русский язык, появившиеся на страницах «Христианского чтения» в 1831—1837 гг.:

Беляев. Op. cit., с. 11. Сергиев Посад, 1916, с. 177.

Акафист был напечатан в «Прибавлениях к Творениям святых отцов», XIV. После смерти митр. Филарета издавался вместе с русским переводом Великого канона протопр. М. Богословского в 1875, 1885 и 1888 гг. и перепечатан прот. Мальцевым в Andachtsbuch der Orthodox-katholischen Kirche des Morgenlandes. Berlin, 1895, с. 352—387.

В письме к брату Капитону Ивановичу от 8 июня 1849 г. У Троицы в Академии. М., 1914, с. 319, прим.

Боголюбский М., свящ. Об ученых трудах покойного протоиерея А. И. Невоструева. «Православное обозрение», 1874, VII, с. 124.

(1807—1884), 1-й магистр IX курса (1827—1831) СПбДА. Родосский А. С. Словарь, с. 48—51. Марков В., прот. Настоятели Московского Большого Успенского собора. БВ, 1912, IV, с. 773—784. ПБЭ, II, с. 822—824. Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей, вып. 4, СПб., 1888, с. 28—31. Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. IV, с. 183—185.

св. Андрея Критского Великий канон [1], св. Космы Маиюмского каноны. на Воздвижение [2], на Рождество Христово [3], на Богоявление [4], на Сретение [5], в неделю Цветоносия [6], в Великий Четверг [7], Трипеснец утрени Великого Пятка [8], в Великую Субботу [9] на Успение [10], преп. Иоанна Дамаскина каноны: на Рождество Христово [11], на Богоявление [12], на Пятидесятницу [13], на Успение [14]. Богословский перевел еще канон Феофана, митр. Никейского, на Благовещение [15] и антифоны — степенны всех 8 гласов [16].

Вместе с Богословским трудился и бакалавр греческого языка и патристики Иоанн Дмитриевич Колоколов [17], впоследствии настоятель Исаакиевского собора. Ему принадлежат переводы канонов преп. Иоанна Дамаскина на Св. Пасху [18] и Преображение [19].

Лет через 20 труд перевода Богословского и Колоколова был повторен профессором греческого языка той же академии Евграфом Ивановичем Ловягиным [20]. Не без затруднений преодолев многие препятствия, исключительно при поддержке митр. Петербургского Никанора и на его средства, он опубликовал свой труд «Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках в 3 книгах» СПб., 1855—1856 [21].

600 экземпляров этого издания — «явления не бывалого и не имеющего сходства и подобия с каким-нибудь изданием в богословской литературе» (Родосский) — быстро разошлись, показав крайнюю потребность в подобного рода книгах и интерес к ним духовенства и ревнителей — мирян. Потребовались еще издание 2-е в 1861 г. [22], исправленное и дополненное «важнейшими разночтениями (вариантами) в греческом тексте», и издание 3-е в 1875 г. [23] Кроме того, были напечатаны отдельно славянский и русский переводы в 1861 г. [24] и один русский текст в том же году. Это издание было делом необычным, смелым в ту эпоху. Богослужебные книги были связаны, прикреплены к славянскому языку [25]. В 1843 г. Синод не разрешил напечатать службы преп. Арсению Коневскому гражданскими буквами, «так как все службы

[1] ХЧ, 1836, I, с. 129—184. Отдельно издан вместе с переводом акафиста Божией Матери митр. Филарета.
[2] Ibid., 1831, ч. 43, с. 261—263; 1835, II, с. 274—284.
[3] Ibid., 1831, ч. 44, с. 252—261.
[4] Ibid., 1832, ч. 46, с. 38—47.
[5] Ibid., 1837, I, с. 149—157.
[6] Ibid., 1834, II, с. 31—38.
[7] Ibid., 1835, I, с. 278—286
[8] Ibid., 1836, I, с. 264—268.
[9] Ibid., с. 269—279.
[10] Ibid., 1831, III, с. 155—163.
[11] Ibid., 1831, ч. 44, с. 262—269.
[12] Ibid., 1832, ч. 45, с. 48—56.
[13] Ibid., 1831, ч. 42, с. 270—280.
[14] Ibid., 1836, III, с. 147—154.
[15] Ibid., 1833, I, с. 326—338.
[16] Ibid., 1837, II, с. 246—260.
[17] (1799—1869). 10-й магистр IV курса СПбДА (1817—1821). Родосский А. С Словарь, с. 206—207. Историко-статистические сведения о. С.-Петербургской епархии. II, с. 252—269, 273. Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. Т. III, с. 144.
[18] ХЧ, 1831, II, с. 63—69.
[19] Ibid., 1841, III, с. 215—221.
[20] (1822—1909). Некролог в ХЧ, 1910, X, с. 1147—1162. Родосский А. С. Словарь, с. 244—246. Отчет СПбДА за 1909 г., с. 5—6.
[21] Родосский А. С. Полное описание старопечатных и церковнославянских книг вып. 2, № 578, с. 323—324. В первую и вторую книги вошли каноны на Пасху и двунадесятые праздники. Книга третья содержит Великий канон, канон с акафистом Похвалы и каноны на Страстную седмицу.
[22] Родосский. Op. cit., № 610.
[23] Ibid., № 764.
[24] Ibid., № 611.
[25] Ср. Духовно-цензурный Устав 1828 г., ст. 226

святым угодникам печатались и печатаются церковными буквами». В 1845 г. с трудом был найден для императрицы экземпляр («последний») литургии, напечатанный русскими буквами. Последовательно Петербургский Духовно-цензурный комитет в 1851 г. запретил «Переложение канонов в стихи» свящ. Смольянинова [1].

Труд Ловягина был напечатан исключительно благодаря митр. Никанору, которого многие консерваторы обвиняли в новаторстве. Посылая переводы Ловягина митр. Московскому Филарету, митр. Никанор довольно робко дает апологию напечатания этой книги. «Многие из просвещенных ревнителей и любителей церковных песнопений... нередко изъявляли сожаление, что весьма многие не могут понимать в наших богослужебных книгах по древности славянского языка и получать удовлетворительное изъяснение на неудобовразумительные места от своих священников, даже обучавшихся в академиях» [2]. Митр. Филарет сдержанно относился к труду Ловягина, находя перевод не везде правильным и точным [3]. Указывали и на другой недостаток перевода — отсутствие у переводчика «поэтического чувства, вследствие чего перевод при своей верности много теряет в своем достоинстве». Так критиковал Ловягина Андрей Николаевич Муравьев, дававший в своих многочисленных трудах переводы богослужебных текстов на русский язык, иногда представляя их на одобрение московскому святителю [4].

Ловягин имел подражателей. В 60-х годах появились в печати и другие переводы богослужебных текстов. В Москве трудился над ними, как мы видели, протоиерей В. П. Нечаев (архиепископ Виссарион). Некоторые переводы печатались в провинциальных «Епархиальных ведомостях». Например, в Туле преподаватели семинарии переводили службы двунадесятых праздников и публиковали их в местном епархиальном органе. Ректор семинарии архимандрит Андрей [5] вместе с литургической статьей «Праздник Сретения Господня» [6] дал перевод службы с греческой Минеи венецианского издания 1843 г. с Ловягинским русским переводом канона [7].

Профессор словесности, священник тульской Спасо-Преображенской церкви Михаил Васильевич Покровский [8] перевел службы недели Ваий [9], на Вознесение, кроме канона [10], на Пятидесятницу [11], Рождество Богородицы [12] и Воздвижение [13].

Учителю гражданской истории Илье Ивановичу Сахарову [14] принадлежит перевод служб на Введение [15] и Рождество Христово [16].

Священник Александр Никанорович Иванов [17], профессор богословия и еврейского языка, написал статью о празднике Благовещения с переводом некоторых текстов [18].

---

[1] Котович. Op. cit., с. 216—217.

[2] Савва, архиеп. Хроника моей жизни. Т. II, с. 720—721.

[3] Письмо проф. П. Казанского А. И. Бахметевой от 13 апреля 1875 г. У Троицы в Академии, с. 585.

[4] (1806—1874). Письма митр. Московского Филарета А. Н. Муравьеву. Киев, 1869.

[5] (Поспелов). 15-й магистр XIV курса МДА (1840—1844), ректор (1859—1868), епископ Муромский († 1868). Венгеров. Словарь, т. I, с. 562. Смирнов. Op. cit., с. 441.

[6] «Тульские епархиальные ведомости», 1862, № 3, приб., с. 131—140.

[7] Ibid., с. 141—156. Припев на 9-й песни в двух редакциях: греческой и русской

[8] 13-й магистр XVIII курса (1848—1852) МДА.

[9] «Тульские епархиальные ведомости», 1862, № 7, с. 363—372

[10] Ibid., № 10, с. 522—530.

[11] Ibid., № 11, с. 586—592.

[12] Ibid., № 17, с. 253—261.

[13] Ibid., № 18, с. 287—293, № 19, с. 331—336.

[14] Кандидат богословия МДА XV курса (1836—1840). Смирнов. Op. cit., с. 549

[15] «Тульские епархиальные ведомости», 1862, № 22, с. 471—479.

[16] Ibid., № 24, с. 580—589.

[17] 8-й магистр XVI курса (1844—1848) МДА. С 1878 г. — тульский кафедральный протоиерей. Смирнов. Op. cit., с. 477.

[18] «Тульские епархиальные ведомости», 1863, № 1, с. 24—40.

Учитель гражданской истории, священник Петропавловской церкви Александр Понович Никольский перевел службу на Благовещение[1].

Установить личность переводчика служб на Преображение Господне[2] и Успение[3] не оказалось возможным.

Переводы служб двунадесятых праздников с греческого на русский язык ректора Подольской семинарии Василия Стахиевича Княженского[4] были напечатаны в «Подольских епархиальных ведомостях».

В 80-х годах над новым славянским переводом трудился Августин (Гуляницкий), епископ Екатеринославский[5]. «Будучи с молодых лет хорошо ознакомлен с церковными книгами, давно начал скорбеть... когда ему приходилось слышать или самому читать в церкви такие выражения, в которых никак нельзя открыть не только логического, но часто и простого грамматического смысла... не говоря о псалмах, не говоря о паримиях... Я имею в виду неясные, неточные, безграмотные выражения в наших молитвах, канонах... Кто, например, сразу откроет подлинный смысл в пресловутой песни «Любити убо нам, яко безбедное страхом», или в этом загадочном: «брашен львов сотренных членовными... имже к нам наслаждается дарований»? Кто сразу поймет, что значит: «возшедша слова от Слова научившеся», или: «сушу глуборо-дительную землю солнце нашествова иногда»?[6]

Новые славянские переводы канонов еп. Августина печатались в журнале «Душеполезное чтение». Сначала появился Великий канон[7]. За ним последовали «каноны на Пятидесятницу, на Преображение и на Успение в новом переводе на церковнославянский язык»[8], каноны на Рождество Христово[9], Рождество Пресвятой Богородицы и Воздвижение Креста[10]. В 1883 г. были напечатаны каноны на Богоявление, Сретение Господне, Благовещение, неделю Ваий, Страстную седмицу и Пасху[11]. Наконец, в 1884 г. появился канон на Вознесение[12]. В заметке «По поводу перевода одной церковной песни, напечатанного в «Душеполезном чтении» за настоящий год»[13] справщик защищает свой перевод трудного ирмоса 9-й песни канона Великого Четверга, который был напечатан редактором журнала в переделанном под влиянием толкования митр. Филарета виде. Разные толкования вызывала фраза: «Возшедша слова от Слова научившеся» (Ἐπαναβεβηκότα λόγον ἐκ τοῦ Λόγου μαθόντες). Митр. Филарет в письме к Муравьеву переводит: «Из слова поучаясь ведению Бога Слова, обратно к Отцу восшедшего» Таково же исправление редактора журнала. Еп. Августин справедливо настаивает на следующем переводе: «Высочайшее слово (установительные слова) услышавше от Бога Слова»[14].

В содержательной рецензии «По поводу издания «Учебного Октоиха» и «Учебного Часослова»» еп. Августин отмечает робкие попытки

---

[1] «Тульские епархиальные ведомости». 1863. № 6. с. 299—316.

[2] Ibid., № 15. с. 124—133.

[3] Ibid., № 16. с. 181—192.

[4] († 1862). 4-й магистр XVIII курса (1845—1849) СПбДА. Родосский А. (Словарь, с. 204. Надеждин Н. И. История СПб. дух. семинарии.

[5] (1837—1892). Магистр КДА. курса 1859—1863 гг. О нем см. ПБЭ. I. с. 117—119 (о трудах по переводу канонов на слова). Русск. биограф. словарь. I. с. 29—30

[6] ТКДА, 1888, № 11. с. 75—76.

[7] «Душеполезное чтение». 1882, I, с. 232—261.

[8] Ibid., 1882. II. с. 73—79. 394—409.

[9] Ibid., 1882. III, с. 427—434.

[10] Ibid., с. 86—100.

[11] «Душеполезное чтение». 1883. I. с. 3—10. 182—186. 281—287. 409—447

[12] Ibid., 1884, II, с. 41—48.

[13] ТКДА, 1883, № 7, с. 515—526.

[14] Ловягин: «Познав пришедшее сюда Слово от Самого Слова (Триодь Постная, 1912) — возвышенному слову от Слова научившеся» — следует пониманию еп. Августина.

У Богословского (1835): «Научившись от слова, что сюда восходит Слово, Которое величаем»

исправления текста этих книг со стороны их издателя (Н. И. Ильминского). «Кто может читать легко и с полным пониманием второй канон на Рождество Христово, на Богоявление, на Пятидесятницу?» — повторяет он мысли святителя Феофана Затворника.

Ильминский главным образом исправлял язык, восстанавливая древние грамматические формы. Например, в Октоихе: «носивши, имущи» вместо «носившая, имущая»; «уведевша Господня ученицы» вместо «уведевше Господни ученицы»; «дверем заключенам» вместо «дверем заключенным»; «Мне да будета на послушание Божественнии Твои уши» вместо «Мне да будут на послушание Божественная Твоя ушеса»[1].

Другие же поправки (около 50) Ильминского, основанные на сличении текста с греческим подлинником, напечатаны под строкой (на «брезе»); в текст же внесена только одна поправка[2].

Рецензент приводит еще длинный список мест, ошибочно переведенных, но оставшихся без изменения[3], и отмечает неудовлетворительные исправления[4]. Со своей стороны еп. Августин предлагает некоторые принципы исправления богослужебных книг, абсолютно бесспорные.

1. Отказ «от рабского подражания греческому тексту в распорядке слов», что поможет освободить текст от таких переводов, которые для слушателя «составляют истинное мучение», как, например, «Опали струею змиевы главы пещный высокий пламень, юноши носящ благочестивыя утишивый, неудободержимую мглу из греха всю же омывает росою Духа», или: «Чудо ново видев ужасашеся Божественный в тебе воистину, мати, Зосима».

2. Искусственные эллинизмы, не свойственные славянской речи, заменить соответствующими выражениями. Например, вместо «воображается еже по нам от Девы» надо «приемлет наш образ от Девы». Нет основания сохранять «дательный самостоятельный» и «винительный с неопределенным наклонением». Например, «рабу прегрешившу, биен бывает Владыко неповинен» можно заменить «за прегрешения раба биен бывает Владыка», или: «прорекл еси Лазареву болезнь к смерти не быти» — «яко Лазарева болезнь несть к смерти».

3. Замена устарелых славянских слов, в настоящее время непонятных или имеющих другое значение, соответствующими другими. Например, выражения: «вресноту», «спяти быша», «свадих», «место», «ныринце» «ручко» (вместо стамно или сосуд), «усырися плоть», «тлению соблюл еси тело Твое не вкусно», «всехитрецу Слову», «буйство», «донти», «прозябнути», «играти», «напрасно», «наглый», «нужный», «удобрение», «целование» («целуем Тя песньми со архангелом»; «примши целование, зачат Тя, Превечнаго Бога»), «прельстити» («змий прельсти Еву иногда»), «наг есмь чертога», «оброщение червленицы» и т. д.

4. Упрощение славянской грамматики, например, устранение «иже», «яже», «еже» (греческий артикль), двойственного числа.

5. Несмешивание деепричастных форм с причастными и наоборот. Например, «Святии мученицы, иже добре страдавше и венчавшеся» за-

---

[1] Воскресный Богородичен 2-го гласа: «чистотою запечатана и девством хранима» вместо «чистоте запечатанней и девству хранимуу».

[2] ТКДА, 1888, № 11, с. 75—103.

[3] Напр., «радуйся, раю пищный» — «раю сладости»; «непресекомо Пребожественное существо» — «неделимо»; «вся бо твориши, Христе, токмо еже хотети» — «единем хотением»; «яже о Марии» — «(яже) с Марией»; «оскверншийся образ в древнее вобразив, Божественною добротою смеси» — «осквернившийся образ в прежнее состояние возсоздав, Божественней красоте приобщи»; «иже о всех Благий» — «иже ко всем Благий»; «почто мира с милостивыми слезами... растворяете» — «сострадательне слезами растворяете»; «яко трава бо огнем будете изсохше» — «яко бо трава огню будете, изсохше (в старопеч.: огневи будете, изсохше)».

[4] «Божия Премудрость... к человеком беседова» — «приближися» (Ильминский) — «человеком приобщися» (Августин); «причащшися Ева саду, преслушаннаго брашна, клятву введе» — «еже сада преслушаннаго брашна» (Ильминский) — «вкусивши Ева запрещенная снеди, еже от древа, проклятие введе» (Августин).

менить «добре страдавшии и венчавшиися», «Сходяй Спас к роду человеческому» — «Сходя Спас к роду...» или «Снисходя Спас...»

6. Улучшение орфографии[1] правильной расстановкой знаков препинания (например, «совершив все упокоение вечное, даровал еси нам всесвятое из мертвых Твое воскресение» — «совершив все, упокоение вечное даровал еси нам — всесвятое из мертвых Твое...»), введением новых знаков — тире и кавычек — и прописных букв не только для собственных имен, но и в случае необходимости уяснения смысла (например, «еже прежде солнца Солнце»; «возшедша слова от Слова научившеся»; «Ты даждь ми слово, Отчее Слово»).

«Если бы все намеченные нами исправления и улучшения сделаны были тщательно и умело, тогда... язык славянский перестал бы казаться таким трудным и неудободоступным, каким он теперь представляется многим», — кончает еп. Августин свою рецензию, которую следует изучить и будущим справщикам, так как проблема исправления богослужебных книг является до сего дня актуальной. Многие указанные еп. Августином исправления были сделаны синодальными справщиками начала XX в.

Преподавателю Тобольской духовной семинарии Ивану Федоровичу Ловягину[2] принадлежит русский перевод воскресной службы Октоиха «Воскресная служба Октоиха всех восьми гласов или напевов на славянском и русском языках, заключающая в себе песнопения малой вечерни, великой вечерни, полунощницы, утрени и литургии»[3].

В конце XIX в. славянский текст Служебника с греческим сравнивал протоиерей русских церквей в Неаполе и Берлине Тарасий Феодорович Серединский[4], известный описатель латинского богослужения. Плодом этих занятий явилась брошюра «Замечания на чин и текст Божественных литургий св. Иоанна Златоуста, св. Василия Великого и Преждеосвященных Даров». Рига, 1896[5].

Особенно же исправление богослужебных книг вдохновило одного добровольца — справщика[6], который в течение двадцати пяти лет один без помощников и сотрудников с исключительной ревностью занимался изучением их текста. Труды этого энтузиаста и бескорыстного труженика, протоиерея Московского Казанского собора Александра Иоанновича Невоструева[7], сделались известными лишь весьма ограниченному кругу лиц, в то время как его брат, Капитон Иванович, обессмертил свое имя «Описанием славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки».

Невоструев в первый же год священства, читая Великий канон, похвалы на утрени Великой Субботы и молитвы на вечерне Пятидесят

---

[1] Ср. статью Н. Романского. Наши богослужебные книги со стороны орфографии. ХЧ, 1907, VII, с. 96—105.

[2] † 1901 г. в Тобольске (Венгеров).

[3] Изд. 1-е; изд. 3-е — СПб, 1910. Ср. его пособие для семинарий «Избранные места из Св. Писания Ветхого и Нового Завета и богослужебных книг. Греческий текст с примечаниями и греко-русским словарем». СПб., 1893 (XVI+233 стр.). Перевод Октоиха Ловягина повлиял на финский перевод свящ. Александра Якубова «Oikeauskoisen katolisen kirkon Sunnuntai — ja Juhlapäivien kirkkoveisuja hartauskirja viidessä osassa I Pysyväiset ja muuttuvaiset veisut sunnuntaijuhlapalveluksessa», Viipuri, 1908, изданный на средства архиепископа Сергия.

[4] (1822—1897). 11-й магистр XVI курса (1841—1845) СПбДА. О нем см. Родосский. Словарь, с. 435—436. «Рижские епархиальные ведомости». 1896, № 18, с. 794—801; 1897, № 10, с. 514—519 (некролог).

[5] «Рижские епархиальные ведомости», 1895, № 16, с. 834—840; № 17, с. 905—911; № 20, с. 1052—1056; № 21, с. 1090—1092; № 23, с. 1182—1187; № 24, с. 1246—1258.

[6] Боголюбский М., свящ. Об ученых трудах покойного протоиерея А. И. Невоструева. «Православное обозрение», 1874, VII, с. 97—124; X, с. 504—521.

[7] (1806—1872). Магистр VII курса МДА; бакалавр Академии по гражданской истории (1832—1834). Русск. биограф. словарь, XX, с. 180. О его ректорстве в Коломне см. Н. П. Гиляров-Платонов. Из пережитого. Т. I. М., 1886, с. 196. Кастальский Д. И. Протоиерей А. И. Невоструев. Некролог. М., 1872.

ницы, «угадал, насколько исправны, или, лучше сказать, неисправны наши богослужебные книги». Это обстоятельство впоследствии «побудило его сличить текст всех богослужебных книг с греческим»[1].

Этот многолетний труд над текстом богослужебных книг обнаружил в них большое количество ошибок. В рукописях Невоструева часто встречаются заметки: «неправильно переведено», «неправильное чтение», «неправильные формы». В насыщенном материалом, почерпнутым главным образом из Миней, ответе (1868 г.) на присланную ему рукопись неизвестного автора, выражавшего лекгомысленное «довольство последним (т. е. Никоновым) исправлением книг, как вполне законченным и совершенным», Невоструев дает классификацию неудачных и ошибочных переводов, которые являются причиной непонятности наших богослужебных книг[2]. Он указывает на:

1) странные выражения — «грецизмы», например, «сияние шума» (6 авг., 1 кан., 7 троп., 1 п.), «уразуметь очесы» (καταννοεῖν — 2 дек., сед. по 3 п.), «видеть перстом» (κατιδεῖν — 6 окт., хвал. стих. 3), «удавить кровию» (30 окт., «Господи воззвах», славник), «неусыпающая свеща» (22 апр., кан., 5 п., 1 троп.), «студению напаять» (22 апр., кан. 6 п., 2 троп.), «приятное молитвы кадило» (δεκτὸν — удобоприемлемое).

2) Сбивчивое употребление грамматических форм, например, глагольных: «видеша на Фаворе Моисей же и Илия от Девы Отроковицы Бога воплощаема (σεσαρκωμένον)» (6 авг., мал. веч., стих. на «и ныне»), «мучитель не возможе твоея крепости (τόνον) душевныя разслабити божественною любовию. Спасе, укрепляем (κρατυνόμενον)» (7 июня, кан., 3 п., 3 троп.).

3) Смешение падежей, например, именительный вместо творительного — «явился еси с Моисеем и Илиею, и учеников лучшии (προκριτοῖς)» — (12 авг., веч., стих. 2).

4) Превращение сказуемого в подлежащее, например, «блаженное чрево Твое воистину, носившее Свет мира во чреве носившую» (25 июля, кан., 4 п., 2 троп.) «крепость оскуде исмаильтеская: десницы бо оружия крестнаго все ограждение державномудренный царь в своей земли положи» (16 авг., кан., 4 п., 2 троп.).

Невоструев приводит примеры целых тропарей (канонов) с весьма неясным смыслом. Он перечисляет «грехи не только против грамматики, филологии, логики, но и против истории, экзегетики, догматики и т. п., принадлежащие частью самим переводчикам и исправителям, частью писцам или печатникам, при невежестве и неосмотрительности дозволявшим себе мудрования»[3]. Например, «Иже всякое словесное истины от несущих хотением соделавшие трисвятыми гласы поется» (глас 6, понед., 2 канон, 3 п., троп. 1); «Христа родила еси едину носящу яве ипостась сложну Божества и человечества, стекшуюся естественному истинно по соединению» (15 нояб., кан. 8 п., Богород.); «Умерщвления совлекся в жизнь облечеся в рай Адам» (19 февр., кан., 6 п., Богород.); «Славы желаний воистину, еже в человецех высокаго возгнушался еси» вместо «Славы желая истинныя...» (21 марта, кан., 5 п., 1 троп.).

Невоструев приводит случаи ошибочного чтения, например, «златотканное питие» (13 нояб., стих на лит. 4) вместо «златовидное» (χρυσοῦφής — вместо χρυσοφαής) «историческое кощунство» (16 нояб.) вместо «стоическое» (ἱστορικῶν — στωϊκῶν); «место священия херувимы превосходящаго» (25 марта, «Господи воззвах», 2 стих.) вместо «на херувимы восходящаго».

---

[1] Боголюбский. Op. cit., с. 100
[2] Ibid., с. 110–116
[3] Ibid., с. 112

Можно указать на случаи смешения имен собственных и нарицательных, например: «свобождаше от уз отметающияся Христа, и вся, яже обрете чтущыя того Бога, всячески начинаше мучити (9 сент., муч Северианy кан. на повеч., 1 п., 2 троп.) вместо «неистовствовал Лисий против Христа...»[1]; «Честными страданиями украшаемь» (24 авг., кан., 6 п., 1 троп.) вместо «Севастию страданиями украшая...»; «Спастися честную твою днесь память почитающим и от всяческих заступай напастей» (7 сент., муч. Созонту канон, 1 п., 1 троп.) вместо «Спастися честную твою днесь память почитающим от всяческих Созонте[2], напастей».

В других случаях, наоборот, имя нарицательное принимается переводчиками за собственное. Например, 7 июня, кан., 7 п., 3 троп.: «святая ноша» (т. е. мощи — φόρτος ἅγιος) понято как Форт святый — неизвестный в агиологии святой, и переведено: «соблюд твоя словеса, Форт святый, богоносному Фронтону отдаде тя» вместо «соблюдая свое слово, ты, святая ноша, отдана была богоносному Фронтону».

Переводчики не считались с библейскими местами, приводимыми в гимнографических текстах. Например, в службе апостолу — диакону Филиппу (11 октября) крещенный им евнух Ефиопской царицы Кандакии называется «Кандакином досточудным» (стих. на «Господи воззвах» 3), «священнейшим Кандакием» (кан., 4 п., 4 троп., 5 п., 2 троп.).

В Октоихе (нед. 4 гл., 3 кан., 5 п., 3 троп.) читаем: «Младенец бо язву аспидную душегубную испыта рукою» — ср. Ис. 2, 8: «Отроча младо на пещеры аспидов руку возложит».

Иногда в славянском переводе приложено к Божией Матери относящееся в подлиннике ко Христу. Например, 9 сент., 2 кан., 5 п., 2 троп.: «Двоица (Иоаким и Анна) породи престол, иже всех превысши дланию Божественною» вместо «престол держащего вся Божественною дланию»; 16 ноября. Кан., 1 п., Богород.: «Слово Отчее зачала еси безсловесия избавити земныя восхотев». В этом случае Невоструев предполагает типографскую ошибку. Он заключает свой отзыв указанием на то, что «множество ошибок в церковные книги вкралось и вкрадывается вновь от непохвального обычая не прилагать к изданию списка опечаток, отчего в последующих изданиях не только повторяются прежние, но еще прибавляются новые опечатки[3]. Впрочем, sapienti sat».

Занятия над богослужебным текстом показали протоиерею Невоструеву, что проблема критического текста является еще более сложной, так как и греческие книги, которыми пользовались справщики, далеки от совершенства. Не говоря уже о венецианских изданиях, и исправленные книги XIX в. не лишены недостатков и ошибок, которые могут быть исправлены с помощью лучших списков греческого текста или, в некоторых случаях, славянского перевода. Однако, по вполне понятным причинам, Невоструев не мог заниматься проблемой систематического исправления греческого текста. Для этого у него не было достаточного аппарата. Невоструев обнаружил ошибки и изменения текста в службах русским святым[4].

---

[1] Имя Λυσίας переведено «от уз» и изменен смысл всей фразы

[2] Σωζών — Созонте.

[3] Из приведенных Невоструевым примеров отметим ошибку в каноне Воздвижения (п. 1, троп. 2): «Возложи Моисей на столпе врачество, тлетвориваго избавление и ядовитаго угрызение» вместо бывшего еще в Минее 1687 г.: «тлетвориваго и ядовитаго угрызения избавление». В Служебнике 1850 г. Московского издания в четвертой утренней молитве читаем: «возставивый к славолюбию (вместо славословию) и мольбе Твоея благости».

[4] Например, службы творения свят. Ермогена Московского святителям Казанским Гурию и Варсонофию и Казанской иконе Божией Матери. Боголюбский. Op. cit «Православное обозрение», 1874, X, с. 504—521.

В своих трудах Невоструев не имел предшественников, а потому вполне понятны те трудности, с которыми ему приходилось сталкиваться, как пионеру. «Согласитесь, — пишет он, — что круг богослужебных книг с Прологом и Кормчей есть море подлинно великое и пространное... Чтобы переплыть это море только по поверхности, требуется много времени и разных снастей; а углубиться в него не безопасно даже с наилучшими дыхательными органами и снарядами; для избежания же угрожающей опасности нужна крайняя осторожность, рассудительная медлительность, прозорливая сноровка[1]. Притом подумайте, что тут потребно особое самоотверженне и некоторого рода убийство ума, отречение от своеобразного или самостоятельного мышления, часто кажущегося здоровым и крепким, даже оставление других более интересных и, по-видимому, более плодотворных, но не совместных с задачей занятий. Чтобы явиться дельным схолиастом церковным, надо отказаться от претензии быть или слыть в каком-либо роде екклезиастом, хотя последний титул гораздо почетнее первого. И опять... какая требуется для надлежащего успеха усидчивость или, лучше, устойчивость (так как я работаю не сидя, а стоя), и при ней какая может образоваться желчь, — тем более эту последнюю могут поддерживать и питать самые неурядицы, часто встречающиеся в наших церковных книгах»[2].

Но ни все эти трудности, ни сдержанно-холодное отношение митрополита Филарета к делу книжной справы, вдохновлявшему Невоструева, о котором он с сокрушением пишет брату[3], не могли остановить энтузиаста. Вот что он говорит о себе за четыре года до кончины «Специальность моих занятий с некоторой поры овладела чуть ли не всем моим существом и превратилась в мономанию, поглощающую у меня почти все время, все внимание и все силы. Этою беззаветною преданностью ideae fixae объясняется и запоздалый ответ на письмо... Пусть я кажусь до конца жизни моей (как, может быть, казался и доселе), на взгляд некоторых и даже многих, ничего не делающим; лишь бы дал мне Господь, наконец, завершить мое дело. Тогда я мог бы умереть спокойно, почитая свою миссию исполненною. Во всяком случае, смею думать, по смерти моей пред компетентным Судиею окажется, что я в зрелых и преклонных летах не прожил ни одного дня праздно (исключая разве дней болезни), хотя, может быть, это не будет на виду у многих»[4].

От прот. Невоструева остался огромный архив. В мае 1874 г. с ним познакомился свящ. (прот.) М. Боголюбский. «Оказалось, что... осталась такая масса написанного, что если считать по листам, то нужно считать многими сотнями листов, притом исписанных так, что на целых листах самого мелкого письма не остается места, где бы можно было провести линию, не только что вписать слово, к тому же иногда исписанных с сокращениями, которые он придумал для себя, и писал он свои заметки по известному вопросу не на определенной для этого тетради, а на всякой бумажке, которая попала ему под руку, будет ли то конверт письма, отношения к нему, указы и т. п. Не мало из этих раздробленных заметок уже переписано им самим, или по его указанию... Но и после переписки он постоянно вносил в рукописи поправки и дополнения»[5].

Эта «раздробленность», хаотичность и незаконченность записей Невоструева значительно ослабляет их практическое значение. Его исправления ошибочно или неудовлетворительно переведенных мест не

---

[1] Сказалась филаретовская школа.
[2] Боголюбский. Op. cit., с. 101—102.
[3] У Троицы в Академии, с. 317—319, прим. 3
[4] Боголюбский. Op. cit., с. 97.
[5] Ibid., с. 98.

были им внесены в печатный экземпляр богослужебных книг. Только однажды в указанном уже отзыве на рукопись неизвестного автора он дал систематическую сводку ошибок славянского текста, однако, не указав на погрешности и греческих богослужебных книг. Его рукописи и записи могут служить только материалом для справщиков. Между тем, интересны и ценны методы, указанные им, например, совет обращать внимание на акростихи — «краегранесия», нарушение которых свидетельствует о поврежденности текста или о перемещении или пропуске тропарей канона.

Ценен незаконченный свод Невоструева, занимающий «не одну сотню листов», — алфавит всех песней (стихир, седальнов, ирмосов, тропарей, канонов и т. д.) богослужебных книг с указанием различных переводов (вариантов) одного и того же текста. Достаточно исправить стихиру или ирмос однажды, и потом внести эти исправления во все места, где встречается этот текст.

Наконец, Невоструеву принадлежит огромный материал для греко-славянского церковно-библейского словаря, который только частично был приведен им в порядок и переписан. «Я озабочен изданием небывалого у нас церковного словаря славяно-греческого в двух частях, из коих в первой должны быть приведены все славянские слова, встречающиеся в церковных книгах богослужебных (с приобщением к ним Пролога и Кормчей), каждое с соответствующими ему греческими, с точным значением по греческому подлиннику и с указанием самых мест (конечно, не везде всех), где они встречаются, а во второй — все собранные в первой греческие слова, каждое со всеми словами славянскими, какими оно выражается в нашем переводе, но уже без цитат»[1] К собиранию материалов для этого грандиозного труда, почти непосильного для одного человека, прот. Невоструев приступил 5 июня 1847 г. Переписка же части труда началась 20 февраля 1871 г. Незадолго до своей кончины, чувствуя непосильность для себя закончить свой огромный труд, он пишет (8 июля 1871 г.): «Не знаю, подвинется ли это дело при моей жизни настолько, что придется воспользоваться Вашею помощью, или явятся ли, по моей смерти, ревностные труженики, коим может пригодиться Ваша услуга... Знаю только, что дело мое слишком многосложно, и одному человеку, особенно старцу, вовсе не сподручно. Принявшись в нынешнем году собирать материалы для второй... части.., к удивлению своему, я увидел, что несравненно более примыкает слов греческих к славянскому, чем славянских к греческому... Например, более 70 слов греческих переводится словом «вземлю», а одному греческому слову соответствует обыкновенно 5—15 славянских. Упоминаю... для того, чтобы дать Вам понятие о многосложности труда моего. Заметьте притом, что каждое греческое слово обставлено у меня — считая вообще и кругло — целым десятком цитат. Примите во внимание и то, что многие греческие слова, отдельно взятые, имеют не одно значение, а все в совокупности не менее 10 и даже 15 разных значений, довольно резко отличающихся, по коим нужно группировать цитаты, теперь без логического порядка разбросанные по разным местам при самых словах. Из этого примера видите, что требуется не менее 70 толковников для чистой рациональной отделки предположенного мною словаря»[2]. Невоструеву удалось при вторичной переписке славянской части словаря дойти только до буквы Д, причем им были оставлены пробелы, которые предполагал заполнить впоследствии. Греческая же часть словаря была переписана старцем-тружеником, «хотя и без строгого алфавитного порядка». В нее вошло 16 258 слов, биб-

---

[1] Боголюбский. Op. cit., с. 116—117
[2] Ibid., с. 118—119.

лейских и богослужебных, и 337 слов библейских (предисловие к книге Сираха и 4-й книге Маккавейской).

Смерть Невоструева прервала его жизненный труд. Продолжателей не нашлось. Словарь остался в незаконченном виде, и его постигла печальная судьба. Через два года после смерти Невоструева (в 1874 г.) изучавший его словарь прот. Боголюбский с огорчением отмечал, что «написаны эти тетради (славянской части)... по местам так тесно и мелко, что разобрать можно только с трудом (я могу разбирать только через увеличительное стекло). Неясность рукописи зависит и от того, что тетради... изветшали, замаслились, да и чернила уже выцвели»[1].

Священник Григорий Дьяченко, собирая материал для своего словаря в конце прошлого столетия, пользовался в Московской епархиальной библиотеке и словарем Невоструева, авторство которого он ошибочно приписывал знаменитому брату протоиерея — Капитону Ивановичу[2]. Дьяченко нашел, что этот словарь, «вследствие влияния времени и прежнего его небрежного хранения, пришел в такое плачевное состояние, что только при сильно увеличивающей лупе и крайнем напряжении зрения можно прочитать некоторые слова»[3]. Так постепенно погибал двадцатипятилетний колоссальный труд вдохновенного добровольца — справщика. В настоящее время архив Невоструева находится в Государственной Ленинской Библиотеке[4].

После смерти Невоструева делались попытки добиться издания его словаря, но инициаторы потерпели неудачу. Было начато дело об его издании на средства Св. Синода[5], однако Духовно-учебный Комитет не нашел возможным дать на это согласие, ссылаясь на отзыв проф Е. Ловягина, нашедшего словарь «не вполне исправленным и недоконченным, а потому неудобным для издания». Архиепископ Тверской Савва ходатайствовал перед Синодом о денежном вознаграждении вдовы покойного, которая соглашалась передать словарь в собственность Синода.

Попытка склонить Московское Общество любителей духовного просвещения к напечатанию этого словаря протоиереем Московского Казанского собора и членом Московской Духовной Консистории Димитрием Иоанновичем Кастальским[6] тоже не увенчалась успехом. Он выступил с докладом о словаре[7] на распорядительном собрании Общества в 1881 г., но предложение его было отклонено за отсутствием средств[8].

Прот. Невоструев не был теоретиком — кабинетным ученым. Он пастырски ревновал, чтобы церковный народ и особенно дети поняли

---

[1] Ibid., с. 119.

[2] Как ни странно, но такую же ошибку делает ученый, профессор Московской Дух. Акад. М. Д. Муретов в сборнике «Памяти почивших наставников». Сергиев Посад, с. 262.

[3] Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 1899, с. XXVI прим. 39.

[4] Коншина Е. Н. и Швабе Н. К. Краткий указатель архивных фондов отдела рукописей Государственной ордена Ленина Библиотеки СССР. М., 1948, с. 129. «Архив 500 л. из собрания фондов Епарх. Дома. Работы по сличению текста переводов паремий, псалтири и других книг Свящ. Писания. Словарь речений из богослужебных книг».

[5] Подробности у архиеп. Саввы. Op. cit., т. VII, с. 72, 91, 105, 144, 158—160, 225

[6] (1821—1891). Магистр МДА XIV курса (1840—1844), бакалавр греческого языка КазДА (1844—1848), автор книги «О богослужении». М., 1874, 1880, 1891. Языков Op. cit., вып. 12, с. 66—67. Венгеров. Источники..., т. III, с. 26. Смирнов. Op cit., с. 462.

[7] Вероятно, он был напечатан в «Чтениях Общества».— «О церковно-библейском словаре прот. А. И. Невоструева». 1881, кн. 6, и «Образцы из славяно-греческого и греко-славянского словаря прот. А. И. Невоструева». 1881, кн. 8.

[8] Извеков Н. Исторический очерк полувековой жизни и деятельности МОЛДП М., 1913, с. 61.

красоты и глубокое содержание литургических текстов. С этой целью «воцерковления» и литургического просвещения верующих он перелагал в стихи, не всегда удачные, ирмосы праздничных канонов[1], тропари и кондаки, предполагая их издать для народа, для крестьянских детей, обучающихся грамоте. Однако этот замысел не был осуществлен[2]. Вероятно, решающее значение имело отрицательное отношение митрополита Филарета. Этим же обстоятельством можно объяснить отсутствие печатных трудов у московского труженика-литургиста. Он скорбел, что богослужебными книгами мало кто интересуется, и вместе со своим последователем прот. М. С. Боголюбским много думал о том, как сделать их доступными для частных лиц. Необходимо снизить их довольно высокую цену, а для этого сократить их объем путем исключения повторяющихся текстов, иногда довольно больших (например, канонов, стихир и седальнов в дни попразднства, крестобогородичнов и богородичнов — седальнов), и тех чинов, которые имеются в других богослужебных книгах (например, чины водоосвящения)[3]. Из миней можно исключить службы тем русским святым, которые не совершаются повсеместно, предоставив церкви и монастырям право печатания служб и акафистов почитаемым святым. Вообще, следует обратить внимание на возможно более широкое распространение богослужебных книг. Эти мысли прот. Невоструева являются особенно актуальными и в настоящее время, когда богослужебные книги стали большою редкостью.

С трудами и замыслами прот. Невоструева познакомил церковное общество, к сожалению, весьма ограниченный его круг — московское духовенство — единомысленный с ним настоятель московской Зачатьевской церкви протоиерей Михаил Симонович Боголюбский[4], брат архиепископа Платона и проф. П. С. Казанского. Он напечатал в «Православном обозрении» статью «Об ученых трудах покойного протоиерея А. И. Невоструева»[5], в которой дополнил и уточнил текстуально-критический метод Невоструева[6]. Занятия над богослужебными книгами вдохновили Боголюбского на доклад, произведший большое впечатление, в Обществе любителей духовного просвещения 17 сентября 1870 г.— «Несколько замечаний о славянском тексте Псалтири»[7].

Надо заметить, что это Общество вообще проявило большой интерес к проблеме справы богослужебного текста. Так, например, в заседании 15 января 1875 г. обсуждалась статья Лукьянова «О невразумительности для народа славянского церковно-богослужебного языка и о мерах к устранению оной»[8]. Занималось оно и уяснением смысла выражений: «от очес призора»[9] (15 февраля 1879 г.) и «прилог силы хваления трисвятаго не прияша» (2 стихира на литии среды 6-й недели

[1] Например, ирмос 1 п. 1 кан. Преображения:

«Сонмы израильтян, чудно прошедши невлажной стопой
Влажную Чермнаго моря глубь, вражьих же всадников в ней
Всех потопленными видя, торжественно в радости пели:
Господу нашему песнь воспоем: Он прославился дивно».

[2] Боголюбский. Op. cit., с. 123—124.

[3] Ibid., с. 121—123.

[4] († 1902). 5-й магистр МДА XVI курса (1844—1848), историк Московской епархии, председатель Общества любителей духовного просвещения (1894—1902). См. Извеков Н. Op. cit., с. 25—27; Смирнов. Op. cit., с. 556.

[5] «Православное обозрение», 1874, VII, с. 97—124; X, с. 504—521.

[6] Ibid., с. 102—109.

[7] Извеков. Op. cit., с. 26, 44. Другой его доклад 18 сентября 1897 г. в Обществе — «О предполагаемом опыте исследования древности христианских богослужебных песнопений». Извеков. Op. cit., с. 76

[8] Извеков. Op. cit., с. 54.

[9] Ibid., с. 58.

по Пасхе) (15 мая 1879 г.) [1], и вообще рассуждало о богослужебных книгах (15 июля 1887 г.) [2].

Осуществляя мысль Невоструева об издании книг, облегчающих ознакомление с гимнографическими текстами церковного общества и народа, прот. Боголюбский перевел службы Страстной седмицы (1875 г.) и Великого поста [3], а также тропари и кондаки Романа Сладкопевца.

В 1869 (76) г.[4] преемник митрополита Филарета — митрополит Московский Иннокентий (Вениаминов) († 1879) образовал в Москве Комитет из ученых представителей духовенства под председательством настоятеля Покровского, Василия Блаженного, собора протоиерея Николая Иоанновича Надеждина [5] для исправления текста богослужебных книг «по поводу усмотренных в них грубых опечаток и неудобопонятных речений» [6]. В состав этого комитета входили, между прочим, протоиерей Николай Николаевич Световидов-Платонов [7] и протоиерей Сергий Сергиевич Модестов [8].

От этого дела исправления богослужебных книг была устранена академическая профессура, может быть, потому, что инициатива справы исходила из среды ученого духовенства. Проф. М. Д. Муретов в биографии [9] ректора МДА протоиерея Сергия Константиновича Смирнова вспоминает, как он свой академический курс новозаветного греческого языка заканчивал чтением «О греческом богослужебном языке», в котором приводил многочисленные примеры неправильного перевода и неисправностей славянского текста. Муретов с горечью добавляет: «Обида чувствуется за академическую науку при мысли, что еще в 70—80-х годах прошлого столетия дело (исправления) могло быть сделано уже и притом не какими-нибудь случайными и к науке мало прикосновенными людьми, а лицами с высоким научным цензом и специалистами по библейскому, отеческому и богослужебному языку» [10].

Московский Комитет занялся исправлением Требника и Служебника. Над справой последнего трудился сам председатель. Труды Московского Комитета были переданы Синодом для рассмотрения особой комиссии, учрежденной в 1881 г., под председательством члена Синода

---

[1] Ibidem.

[2] Ibid., с. 64—65.

[3] Стихиры великопостных служб с переводом на русский язык, указанием чтения и кратким изложением содержания их. М., 1876, с. 267. (Изд. 2-е; изд. 3-е — 1897) Ср. письмо брата прот. Боголюбского — проф. П. С. Казанского от 31 марта 1876 г. А. Н. Бахметевой: «Ныне отпечатаны службы и на весь Великий пост. Перевод сделал Михаил Симонович». У Троицы в Академии, с. 587.

[4] В 1876 г. — у архиеп. Саввы. Op. cit.; в 1869 г. — «Церковные ведомости», 1913, № 18—19, с. 798.

[5] (1813—1890). Магистр (курса 1832—1836) МДА. О нем: Русский биограф. словарь, XX, с. 34. Добролюбов Н. В. и Яхонтов С. Д. Библиографический словарь писателей, ученых и художников (преимущественно) Рязанской губ. Рязань, 1910, с. 158. (1814—1891); Венгеров. Источники, т. IV, с. 477, «Московские епарх. ведомости», 1886, №№ 181, 235, 236; 1890, № 361 (некролог), 1891, № 4. От него остались «автобиографические записи», частью опубликованные в сборнике «У Троицы в Академии» («Из записок московского протоиерея Н. И. Надеждина», с. 42—79), и «Дневник» за 1841—1863 и 1866—1890 гг. («Столетие Московской 1-й гимназии», с. 329—330).

[6] Архиеп. Савва. Op. cit., VII, с. 45—46.

[7] (1831—1897). 1-й магистр XX курса (1852—1856) МДА; законоучитель и в 70-х годах священник Благовещенской (на Тверской ул.) церкви, впоследствии протопресвитер Московского Успенского собора. О нем см.: У Троицы в Академии, с. 225—226.

[8] (1832—1914). Магистр XX курса (1852—1856) МДА, настоятель Ермолаевской церкви на Б. Садовой ул., церкви. «Моск. епарх. ведомости», 1914, № 9, с. 189—191 У Троицы в Академии, с. 112—130.

[9] Муретов М. Д. в сборнике «Памяти почивших наставников». Сергиев Посад 1915, с. 139—259.

[10] Муретов. Op. cit., с. 162—164.

архиепископа Кишиневского Сергия (Ляпидевского), который сам не особенно вдохновлялся исправлением текста.

Осенью 1883 г. его сменил архиепископ Тверской Савва. Он председательствовал в Комиссии до ноября 1885 г., когда был уволен в свою епархию[1]. После него комиссия «продолжала существовать»... но председателя не назначили, и «таким образом остались члены без головы»[2].

Членами комиссии Синодом были назначены три петербургских протоиерея: 1) протоиерей Николай Иоаннович Розанов, ректор С.-Петербургской духовной семинарии[3], впоследствии настоятель Воскресенского Смольного собора; 2) протоиерей Василий Иаковлевич Михайловский, настоятель Спасо-Бочаринской и Вознесенской церквей, духовный писатель и законоучитель, автор словарей, руководств, учебников и популярных книг по литургике[4], и 3) протоиерей Петр Александрович Лебедев, законоучитель Пажеского корпуса, член Учебного Комитета при Св. Синоде, духовный композитор[5]. Архиеп. Савва отмечает, что члены комиссии «занимались с любовью и усердием, пользуясь как греческими книгами, так и старопечатными славянскими изданиями».

Комиссия, заседая раз в неделю до осени 1885 г., просмотрела тексты Четвероевангелия, Служебника и половины Требника, поступившие из Москвы. Подробных сведений о занятиях комиссии не имеется, так как она работала почти секретно. Вероятно, она удовлетворилась сравнительно незначительными поправками, например, «Ты бо един токмо без греха» вместо «Ты бо един кроме греха»[6].

В 1887 г. труды комиссии «были рассмотрены Св. Синодом в особых заседаниях и приняты с некоторыми изменениями, существенных между которыми нет»[7]. Исправленный Служебник собирались печатать[8], но был ли он напечатан — сказать трудно.

Несмотря на осторожность комиссии, уже самое ее существование встретило тревогу, оппозицию и крайнюю настороженность среди иерархов и консервативной части верующих. Характерным является, например, письмо смотрителя Куманинской богадельни в Москве Матвея Ивановича Соколова своему хорошему знакомому, председа-

---

[1] Некоторые сведения о комиссии — у архиеп. Саввы. Op. cit., т. VII, с. 45—46, 56, 66, 71, 77, 103; т. VIII, с. 229.

[2] Письмо А. В. Гаврилова архиеп. Савве от 12 апреля 1886 г. Архиеп. Савва Op. cit., с. VIII, с. 35; ср. с. 45.

[3] (1831—1911). 7-й магистр XX курса (1853—1857) СПбДА. Родосский. Словарь, с. 408; «Церковный вестник», 1911, № 41, с. 1294—1295; № 42, с. 1812—1814. Прот. П. Левашев. Редкий пример пастырского служения. «Церковные ведомости», 1913, № 5, приб., с. 249—254. Прот. С. А. Архангелов. Наше пастырство. Память прот. Н. И. Розанова. СПб., 1912.

[4] (1834—1910). 5-й магистр XXIII курса (1855—1859) СПбДА. Родосский. Словарь, с. 275—276. Венгеров. Источники... т. IV, с. 351—352. ПБЭ, III, с. 952—954. Статьи: а) Нынешние несториане, их учение и богослужение. «Духовный вестник», 1864, XII, с. 499—537; 1865, I, с. 26—59; II, с. 121—156 (составлена по книге Badger. The nestorians and their ritual); б) Богослужение в первом христианском веке. Ibid., 1866, I, с. 6—23; II, с. 160—198. Руководство к изучению Церковного Устава в вопросах и ответах (4 изд.). Учение о православном богослужении (8 изд. с 1864 г.). Словарь православного церковно-богослужебного языка и священных обрядов (2 изд.). Прот. Михайловский много поработал для ознакомления православного народа с богослужением. Список его популярных книжек, например, в «Каталоге духовных и др. книг магазина И. Л. Тузова на 1915 г.», с. 165—166. С целью литургического просвещения народа он начал издавать в 1870 г. «Воскресные листки».

[5] († 1900). 2-й магистр XXIV курса (1857—1861) СПбДА. Родосский. Словарь, с. 233—234.

[6] Аметов Д. К вопросу о замене богослужебного церковнославянского языка русским. «Миссионерское обозрение», 1911, № 11, с. 15—16.

[7] Письмо обер-секретаря Синода Барсова от 18 февраля 1887 г. Архиеп. Савва Op. cit., т. VIII, с. 239.

[8] Письмо прот. В. Михайловского от 3 сентября 1888 г. Ibid., с. 302.

телю комиссии архиеп. Савве: «А что это еще у Вас за комиссия по пересмотру богослужебных книг? Как бы она не имела последствием еще какого-нибудь раскола?»[1] Резко высказывался видный член Синода — С.-Петербургский митрополит Исидор: «Не ломайте без нужды принятого текста; если вы слишком будете изменять его, я первый буду Вашим противником»[2]. Выступил против «комиссии поновителей и исказителей церковных текстов» и видный церковный деятель Николай Иванович Ильминский[3], директор Казанской учительской семинарии, переводчик богослужебных книг на татарский язык, составитель учебных Часослова, Октоиха и Псалтири. Он, узнав «под большим секретом» от первого председателя комиссии архиеп. Сергия об ее образовании и предстоящем пересмотре Псалтири и Евангелия, был этим очень обеспокоен. Когда же появилась «статейка иеромонаха Филарета»[4], то у Ильминского «уже накопилось в душе столько мыслей и разного материала по отношению к славянскому языку и церковным текстам, что он, прицепившись к этой статейке, выгрузил, так сказать, все, что было у него на душе, но выгрузил с некоторым огорчением и почти ожесточением»[5]. Он напечатал в количестве 300 экземпляров брошюру, датированную 22 июля 1882 г., «Размышления о сравнительном достоинстве, в отношении языка, разновременных редакций церковно-славянского перевода Псалтири и Евангелия» (Казань, 1882, 92 стр.)[6], причем на обложке было указано, что «напечатано в самом ограниченном числе экземпляров — не для публики» Статья получила одобрение председателя комиссии.

Архиеп. Сергий (Ляпидевский) надеялся, что она «может охладить излишний жар ревнителей поновления церковного языка»[7]. Ильминский на целом ряде примеров показывает превосходство в смысле точности во многих случаях старого перевода перед поновленным в XVII в. и решительно высказывается против поновления перевода и его приближения к русскому разговорному языку. «Священное и религиозное значение имеет для русского человека и славянский язык, который мы постоянно слышим в церкви и на котором мы обыкли молиться. Вот почему неприятно слушать, когда иногда иные употребляют славянские слова и обороты в русской речи и праздной болтовне. Полагаю, что русскому человеку так же страшно и несимпатично было бы слушать богослужение на русском языке, как страшно было бы смотреть, если бы священник стал совершать литургию, вместо церковной ризы, в обыкновенной одежде мирянина...»[8] «Это должен быть чистый славянский язык и правильный, одним словом, древний»[9]. Конечно, для объяснения богослужебных книг можно пользоваться в качестве пособия русским переводом, но у Ильминского был свой план воспитания церковного общества: «Оставив церковно-богослужебные книги status quo, теперь же издать древнеславянский текст по крайней мере Псалтири и Евангелия, а затем постепенно издавать древнейший текст других... богослужебных книг. Вчитавшись в них, мы приобретем вкус к древнеславянскому языку и полюбим его; и мы все: и русские, и славяне, и православные, и старообрядцы — соеди-

---

[1] Архиеп. Савва. Op. cit., т. VII, с. 115.

[2] Проф. В. Певницкий. О церковно-богослужебном языке. «Церковные ведомости», 1908, № 28, с. 1316.

[3] 1821—1891.

[4] «Несколько слов о стихе «Господи, прибежище был еси нам в род и род» (к вразумлению глаголемых старообрядцев)». «Душеполезное чтение», 1882, IV

[5] Архиеп. Савва. Op. cit., т. VII, с. 93.

[6] Изд. 2-е вышло в 1886 г.

[7] Архиеп. Савва. Op. cit., т. VIII, с. 94.

[8] Архиеп. Савва. Op. cit., т. VII, с. 84

[9] Ibid., с. 84—85.

нимся в одном тексте, созданном трудами преп. Кирилла и Мефодия»[1].

Эти взгляды Ильминского нашли практическое применение в изданных им учебных Октоихе и Часослове. Вместо приближения славянского языка к современной русской речи, Ильминский в сделанных им исправлениях текста следовал законам старой славянской грамматики[2], за что его и порицал в своей рецензии на эти книги еп. Августин[3], настаивавший на «поновлении» языка богослужебных книг.

К началу XX в. вопрос об исправлении богослужебных книг настолько стал актуальным, что о нем заговорил открыто и епископат, до сих пор больше молчавший. Из изданных в 1906 г. «Отзывов епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе»[4] на запрос обер-прокурора Синода видно, что значительное меньшинство правящих епископов нашло нужным наряду с актуальными вопросами реформы высшего и епархиального церковного управления, суда, прихода, духовно-учебных заведений поднять вопрос о неудовлетворительном состоянии богослужебного текста и непонятности для церковного народа великого сокровища Церкви, находящегося в богослужебных книгах. Для мирян это — «сокровище, сокрытое на селе» (еп. Самарский Константин). «Возвышенное богослужение наше, — пишет архиепископ Ярославский Иаков, — из-за пристрастия к умершему языку превращается в непонятное словоизвержение для поющих, читающих и слушающих... Мудрено ли, что крестьянин иной предпочитает церковной, возвышенной, но непонятной песни неумную, но понятную сектантскую песню, которую он может сам и петь, а образованный по той же причине идет в театр или удовлетворяется домашним пением пошлых, но понятных романсов». Архиеп. Иаков предлагает «обсудить вопрос об исправлении существующих переводов или приступить немедленно к новому переводу на новославянский язык, всем понятный и вразумительный»[5]. Те же самые мысли и пожелания с разными оттенками высказывали и многие другие правящие епископы и созванные некоторыми из них совещания.

В «Отзывах» напечатаны по этому вопросу мнения[6]: 2) Арсения, архиепископа Харьковского (довольно осторожное)[7], 4) Михаила, епископа Минского[8], 8) Стефана, епископа Могилевского[9], 11) Анастасия, архиеп. Воронежского (соображения Особого совещания)[10], 12) Серафима, еп. Полоцкого[11], 20) Георгия, еп. Астраханского[12], 21) Иоанникия, еп. Архангельского[13], 23) Константина, еп. Самарского[14], 24) Кириона, еп. Полоцкого[15], 25) Тихона, архиеп. Алеутского и Северо-Американского (впоследствии Патриарха Московского)[16]

---

[1] Архиеп. Саввa. Op. cit., т. VII, с. 92.

[2] Например, замена полных окончаний краткими, причастных форм деепричастиями; введение вновь двойственного числа.

[3] ТКДА, 1889, № 11, с. 75—103.

[4] Т. I и III, прибавления. СПб., 1906. Сначала печатались в «Церковных ведомостях» за 1906 г.

[5] Отзывы, прибавление 257. «Церковные ведомости», 1906, № 45, с. 2938.

[6] Некоторые мнения приведены в статье Н. М. Зернова «Реформа Русской Церкви и дореволюционный епископат». «Путь», Париж, 1934, № 45, с. 10—13.

[7] Отзывы, I: 21—41; «Церковные ведомости», 1906, № 2, с. 64.

[8] Отзывы, I: 40—41; «Церковные ведомости», 1906, № 3, с. 117—118.

[9] «Желательно издание толкового богослужения». Отзывы, I: с. 100—101; «Церковные ведомости», 1906, № 5, с. 231.

[10] Отзывы, I: 147; «Церковные ведомости», 1906, № 6, с. 278.

[11] Отзывы, I: 176—177; «Церковные ведомости», 1906, № 7, с. 325.

[12] Отзывы, I: 322—323; «Церковные ведомости», 1906, № 10, с. 502.

[13] Отзывы, I: 335—336, 371—372, 405.

[14] Ibid., I: 140.

[15] Ibid., I: 529; «Церковные ведомости», 1906, № 12, с. 62[illegible].

[16] Отзывы, I: 537.

26) Афанасия, архиепископа Донского [1], 28) Гурия, еп. Симбирского [2], 30) Флавиана, митр. Киевского (доклад епархиального миссионера Н. Белогорского) [3], 34) Гурия, архиеп. Новгородского (комиссия по проекту церковных реформ, им созванная, под председательством еп. Феодосия (Кирилловского)) [4], 36) Тихона, еп. Иркутского [5], 39) Представленные Евлогием, еп. Холмским, заключения учрежденной архиеп. Варшавским Иеронимом комиссии [6], 40) Агафангела, архиеп. Рижского [7], 41) Иоанна, еп. Полтавского [8], 42) комиссии, созванной еп. Пермским Никанором [9], 44) Назария, еп. Нижегородского [10], 49) Владимира, еп. Екатеринбургского [11], 50) Петра, еп. Смоленского [12], 56) Олонецкой Духовной Консистории за болезнью и смертью еп. Олонецкого Анастасия [13], 65) причта Выборгского кафедрального собора [14] по предложению архиеп. Финляндского Сергия, не входившего в оценку пожеланий [15], 66) 4-й комиссии представителей Енисейской епархии (сам еп. Евфимий высказался против) [16], 69) Аркадия, еп. Рязанского [17], 73) Иакова, еп. Ярославского [18].

Раздавались и отдельные голоса за постепенное введение в богослужение русского языка. Например: 1) кишиневские епархиальные миссионеры (приложение к отзыву Владимира, еп. Кишиневского) предлагают поставить на Соборе вопрос «о возможности допустить совершение церковного богослужения... на русском языке, понятном для всех русско-подданных великороссов, малороссов и белороссов» [19], 2) Тихон, еп. Иркутский [20], 3) Иоанникий, еп. Архангельский [21], 4) комиссия, учрежденная архиеп. Варшавским Иеронимом (чтение Псалтири на русском языке) [22].

Почти все епископы, высказавшиеся за исправление богослужебного текста, одновременно выражали пожелание о необходимости пересмотра с целью ликвидации его расхождения с практикой — путем его разумного сокращения и приближения к нуждам и возможностям приходских храмов, сохраняя для монастырей и соборных храмов современный Типикон. Они указывали, что и в Древней Церкви были два типа богослужений: для мирских храмов и иноческих обителей. Пересмотр Типикона способствовал бы прекращению произвола, иногда весьма соблазнительного и литургически безграмотного, в совершении богослужения. Об этом произволе резко говорит еп. Волынский Антоний (Храповицкий) в своем «Отзыве»: «Как изменить теперешний неразумный порядок вещей, когда не от священника и

---

[1] Ibid., I: 545.
[2] Ibid., II, 20; «Церковные ведомости», 1906, № 13—14, с. 700.
[3] «Чего мы должны желать для Православной Церкви, ввиду изменившегося положения сектантства и иноверия?» Отзывы, II: 116—117.
[4] Ibid., II: 205; «Церковные ведомости», 1906, № 15, с. 811.
[5] Отзывы, II: 245—246.
[6] Ibid., II: 287—288; «Церковные ведомости», 1906, № 17, с. 1007.
[7] Отзывы, II: 316; «Церковные ведомости», № 17, с. 1015—1016.
[8] Отзывы, II: 336—337; «Церковные ведомости», № 18, с. 1080—1081.
[9] Отзывы, II: 395.
[10] Наиболее подробное. Ibid., II: 459—462.
[11] Мимоходом. Ibid., III: 30.
[12] Ibid., III: 43.
[13] Ibid., III: 212; «Церковные ведомости», № 38, с. 2610.
[14] Состоявшего в 1906 г. из прот. М. Казанского (члена Предсоборного Присутствия), Н. Никольского, П. Забелина, М. Успенского, Н. Васильева.
[15] Отзывы, III: 443.
[16] По докладу А. Г. Смирнова. Ibid., III: 498; «Церковные ведомости», № 42, с. 2810.
[17] Отзывы, III, 583, 591; «Церковные ведомости», № 42, с. 2811.
[18] Ibidem.
[19] Отзывы, I: 203.
[20] Отзывы, II: 245—246.
[21] Отзывы, I: 335—336.
[22] Отзывы, II: 287.

даже не от псаломщика, а от наемного разночинца светского звания, совершенно невежественного и часто безобразного, зависит состав каждого праздничного богослужения, из коего почти ничего не остается, а все пропускается в пользу двух-трех отвратительных концертов, не положенных по уставу» [1].

Пересмотр Типикона является неотложной задачей, по мнению: 1) Арсения, архиеп. Харьковского [2], 4) Михаила, еп. Минского [3], 11) Анастасия, архиеп. Воронежского, и созванного им особого совещания [4], 14) Владимира, еп. Кишиневского, и кишиневских миссионеров [5], 20) Георгия, еп. Астраханского [6], 21) Иоанникия, еп. Архангельского [7], духовенства 3-го округа Онежского уезда [8] (Архангельской епархии) и 5-го округа Шенкурского уезда [9], 23) Константина, еп. Самарского [10], 24) Кириона, еп. Полоцкого [11], 36) Тихона, еп. Иркутского [12], 39) комиссии, учрежденной архиеп. Варшавским Иеронимом [13], 40) Агафангела, еп. Рижского [14], 41) Иоанна, еп. Полтавского [15], 42) комиссии, назначенной еп. Пермским Никанором [16], 44) Назария, еп. Нижегородского [17], 45) Евлогия, еп. Холмского [18], 50) Петра, еп. Смоленского [19], 56) Олонецкой Духовной Консистории за смертью правящего епископа [20], 65) причта Выборгского кафедрального собора [21], 66) 4-й комиссии представителей Енисейской епархии [22], 78) Евсевия, еп. Владивостокского [23], 79) Иакова, архиеп. Ярославского [24].

Добавим, что за гласное чтение тайных молитв на литургии, хотя бы некоторых, высказались: 21) Иоанникий, еп. Архангельский [25], 25) Тихон, архиеп. Алеутский и Северо-Американский (впоследствии Патриарх Московский) [26], 44) Назарий, еп. Нижегородский [27], 56) Оло-

---

[1] Отзывы, I: 134.
[2] Ibid., I: 21.
[3] «Настоит существенная нужда сократить чины богослужений, но с тем, чтобы сокращенное читалось и пелось полностью по уставу (сокращенному), истово, чинно» Ibid., I: 41—42.
[4] Ibid., I: 147.
[5] Ibid., I: 203.
[6] Ibid., I: 324.
[7] Ibid., I: 336—337, 372.
[8] Ibid., I: 398—399.
[9] Ibid., I: 403—404.
[10] Ibid., I: 441.
[11] Ibid., I: 529.
[12] Ibid., II: 246.
[13] Ibid., II: 287.
[14] Ibid., II: 315.
[15] Ibid., II: 333—334, 335—336.
[16] Ibid., II: 395.
[17] Ibid., II: 458.
[18] Осторожное: «Быть может, было бы целесообразнее, оставив неприкосновенным уставное совершение богослужения в монастырях, для мирян в приходских церквах разрешить некоторое сокращение богослужебного чина, но с тем, чтобы это сокращение было строго и точно нормировано». Ibid., II: 489—490.
[19] Отзывы, III: 43—44.
[20] Ibid., III: 212. Особое мнение члена комиссии, ректора семинарии архим. Фаддея (с 1908 г. еп. Владимиро-Волынского, постриженника и ученика митр. Антония (Храповицкого), против сокращенного издания богослужебных книг: «Зачем опустошать богатую сокровищницу высокой духовной поэзии, накопившуюся в течение веков от трудов знаменитых в Церкви мужей?» Ibidem.
[21] Ibid., III: 444.
[22] Ibid., III: 497—498 (доклад А. Г. Смирнова).
[23] Ibid., прибавление 202.
[24] Ibid., прибавления 256—257: «Об ограничении произвола в совершении служб церковных».
[25] Ibid., I: 337.
[26] Ibid., I: 537.
[27] Ibid., II: 461.

нецкая Духовная Консистория [1], 65) причт Выборгского кафедрального собора [2], 71) епархиальный съезд псковского духовенства [3].

Предсоборное Присутствие, созванное в марте 1906 г. для подготовки к Всероссийскому Собору, и его отделы [4] занимались главным образом вопросами реформы высшего и епархиального управления прихода, церковного суда, духовно-учебных заведений и восстановления автокефалии Грузинской Церкви. Только VI отдел Присутствия, образованный для обсуждения проблем внутренней миссии, отношения к единоверию, старообрядчеству, сектантству и некоторых актуальных вопросов, например, молитвы за усопших инославных христиан, коснулся исправления богослужебных книг и реформы Типикона. В первом же заседании (13 января 1906 г.) Отдел под председательством еп. Волынского Антония (Храповицкого), состоявший главным образом из профессоров — расколоведов и миссионеров, отклонил от себя обсуждение вопросов веры (например, о соединении старокатоликов с Православной Церковью) и богослужения, признав, однако, их актуальность. Отдел «не может принять их своему обсуждению, по причине отсутствия в распоряжении VI Отдела достаточных научных сил и материалов». «Ввиду важности и сложности вопросов... их касаться не следует, отложив разрешение их до завершения переустройства церковного управления» [5].

Вполне последовательно Отдел VI в совместном заседании с Отделом VII отстранил от себя обсуждение предложенного Сергием, архиепископом Финляндским и Выборгским, доклада о Константинопольском Типиконе и о возможности его введения в практику приходских церквей в России. «Признавая, с одной стороны, узаконенные сокращения богослужения более разумными, нежели произвольно допускаемые священником (бесспорная истина! — *Б. С.*), а с другой, — принимая во внимание, что все-таки попытка сокращений может производить соблазн и смущение в верующей душе, представить настоящее сообщение, не подлежащее принципиальному обсуждению настоящего собрания, на усмотрение Св. Синода» [6].

Совместное заседание VI и VII Отделов отклонило «предложение» пастырского собрания духовенства Финляндской епархии 19 и 20 декабря 1905 г. в гор. Сердоболе, представленное Финляндским архиепископом Сергием Предсоборному Присутствию, «о чтении за литургией вслух Евхаристической молитвы» [7].

В том же заседании VI и VII Отделов, обсуждая «меры к устранению небрежного отношения к установлениям церковным», «полагали бы просить Собор предписать приходскому духовенству: а) не вставлять в положенные по уставу богослужения ничего лишнего, б) не допускать в нем никаких произвольных выдумок и затей, в) не делать... таких сокращений, при которых красота Господня праздника совершенно исчезла бы и служба одного дня была бы похожа на службу другого, г) особенно наблюдать, чтобы в праздничных службах не пропускалось то, что относится собственно к празднику (стихиры, ирмосы, кондаки, тропари)» [8]. На это постановление Отделов, безусловно, повлияли их председатели — архиепископы Сергий и Антоний.

[1] Ibid., III: 212.
[2] Ibid., III: 444.
[3] Ibid., прибавление 6.
[4] Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. Т. I—IV. СПб., 1906. Суетов Ф. О высочайше учрежденном при Св. Синоде Особом Присутствии для рассмотрения вопросов, подлежащих рассмотрению Всероссийского Собора. «Ученые записки Имп. Юрьевского университета», 1912, № 1, с. 1—100.
[5] Журналы и протоколы, II, с. 218.
[6] Ibid., с. 301—302.
[7] Ibid., с. 243.
[8] Ibid., с. 241—242.

Мнение епископата о необходимости исправления богослужебных книг, высказанное в «Отзывах», разделялось большею частью духовенства, как это видно из резолюций епархиальных и других церковных съездов. Так, например, на IV Всероссийском миссионерском съезде в 1908 г. 25 июля была принята резолюция по докладу организационной комиссии «о неотложной нужде исправлений в церковном богослужении», о желательности «нового перевода церковно-богослужебных книг на упрощенный, более близкий к русской речи, славянский язык» [1].

В периодической печати проблема исправления богослужебных книг находит в начале XX в. оживленный отклик. Так, высказывается мысль, иногда в решительной, резкой форме, о необходимости воцерковления русского языка — языка Пушкина, о введении его в богослужение. Это радикальное разрешение проблемы, на практике далеко не легкое, встретило многих противников. Не будем говорить уже о столпе политического и церковного консерватизма — обер-прокуроре Св. Синода К. П. Победоносцеве, который решительно возражал против мнения о непонятности церковнославянского языка, а мысль о переводе богослужения на русский язык считал легкомысленной, бесцельной и опасной для единства Церкви, просто «революцией» [2]. Сторонникам воцерковления русского языка указывали на достаточность поновления славянского языка и нового, более понятного перевода. Отметим в этом обмене мнений о богослужебном языке, например, статьи свящ. Д. В. Силина [3] «Печальное недоразумение по вопросу о церковно-богослужебном языке» [4] и проф. Киевской Духовной Академии В. Ф. Певницкого «О церковно-богослужебном языке» [5], полемику между Н. Покровским и свящ. А. Лиховицким в «Церковном вестнике» в 1906 г. [6], статьи свящ. К. Стефановича «Богослужебный язык» [7], свящ. Самуилова «О богослужении на русском языке» (в целях миссионерских) [8], свящ. Д. Ахматова [9] «К вопросу о замене богослужебного церковнославянского языка русским» [10] и работу Г. А. Соколова «В защиту церковнославянского языка» (Астрахань, 1910).

В то же время для мирян в качестве пособий к пониманию богослужения и литургических текстов появляются сборники молитв и гимнографических творений с переводом на русский язык. Например, Ушаков А. Н. «Сборник служб, молитв и песнопений, употребляемых при богослужениях в Православной Церкви, заключающий в себе всенощное бдение... литургию св. Иоанна Златоустого, службы двунадесятых праздников, песнопения: великопостные, пасхальные... с объяснением непонятных слов и оборотов речи на русском языке» (изд. 3-е, дополн. СПб.,

---

[1] «Церковные ведомости», 1908, № 35, приб., с. 1681.

[2] О реформе в нашем богослужении. СПб., 1906. Была напечатана в «Странике», 1906, XI.

[3] Кандидат богословия МДА выпуска 1897 г., ректор Самарской Дух. семинарии (1917).

[4] «Богословский вестник», 1910, VII—VIII, с. 493—504; XI, с. 446—466; XII, с. 658—679.

[5] «Церковные ведомости», 1908, № 26, с. 1217—1219; № 27, с. 1268—1273; № 28, с. 1315—1318; № 30, с. 1410—1412.

[6] Свящ. А. Лиховицкий. О богослужебном языке Русской Православной Церкви. «Церковный вестник», № 13, с. 391—396. Н. Покровский. Статья под тем же заглавием, «Церковный вестник», № 15, с. 461—464; № 16, с. 492—496. Лиховицкий. По поводу критики г. Н. Покровского, № 29, с. 938—942; № 30, с. 976—979; № 31, с. 1008—1011; № 32, с. 1041—1043; № 33, с. 1073—1075; № 34, с. 1109—1112. Покровский. По поводу рассуждений о. Лиховицкого, № 37, с. 1196—1202.

[7] «Церковный вестник», 1905, № 45, с. 1421—1422.

[8] «Миссионерское обозрение», 1907, № 9, с. 1339—1342.

[9] Кандидат богословия СПбДА вып. 1912 г.; инспектор классов Симбирского епарх. училища (с 1914 г.).

[10] «Миссионерское обозрение», 1911, № 1, с. 13—29.

1904) [1]; Успенский В., прот. [2] «Сборник церковных песнопений с переводом их на русский язык (изд. 3-е, М., 1911) [3]; Нахимов Н. «Молитвы и песнопения православного молитвослова (для мирян) с переводом на русский язык, объяснениями и примечаниями» (СПб., 1912) [4]. Мирянин (чиновник) — любитель, близко стоявший к трудам Синодальной комиссии по исправлению богослужебных книг [5], он пользовался помощью архиеп. Антония (Храповицкого) и особенно архиеп. (впоследствии патриарха) Сергия, председателя Комиссии. Среди массы лежащих на нем важнейших обязанностей он находил время просматривать корректурные листы слово за словом, исписывая их массою замечаний и ссылок на параллельные места, и все это с поразительным знанием не только самих церковных песнопений, но и греческого языка, со всеми приемами настоящего ученого, но вместе с тем и с особою, ему присущею, любовью.

Нахимов, в основу своего сборника положив изданный Синодом молитвослов (для мирян), значительно «расширил его содержание, так что в книге было собрано более 900 молитв и церковных песнопений». Нахимов переводил их на русский язык с греческого подлинника не всегда удачно. Из пособий, которыми он пользовался, он отмечает два: 1) Розов Н. «Греко-славянская хрестоматия. Пособие при изучении греческого языка в духовных училищах и семинариях» [6], 2) «Драгоценная книжка» Н. Фоккова «К чтению церковно-греческого текста» [7]. «Последней мы многим обязаны. Конечно, — прибавляет Нахимов, — ни той, ни другой никто у нас не пользуется; они выдержали только по одному изданию и теперь представляют библиографическую редкость» [8].

Возникшая между Нахимовым и Порфирием Петровичем Мироносицким [9] оживленная полемика на страницах «Церковных ведомостей» [10] показывала те трудности понимания и исправления богослужебного текста, с которыми приходится иметь дело справщику, а также и переложения его на русский язык. Напр...ер, предметом полемики были ирмос 8-й песни трипесница Великого Пятка [11], стихира (1-я) на хвалитех утрени Великой Субботы — «Слава Твоему смотрению, имже совершив все упокоение вечное, даровал еси нам, Боже, всесвятое из мертвых

---

[1] 288 + 8 стр.

[2] Ключарь Верхо-Спасского придворного собора в Москве.

[3] Изд. 2-е, Минск, 1909. 237 + XIII стр.

[4] 359 стр.

[5] Корректуру славянского текста принял на себя член этой Комиссии Н. Ф. Гу...ловский.

[6] СПб., 1893. 165 стр. Рецензия А. Бронзова. «Странник», 1893, VI—VII, с. 369—374.

[7] Киев, 1886. VII + 260 стр.

[8] Op. cit., с. 341.

[9] Магистр богословия КазДА, известный деятель по народному образованию Синодального ведомства, редактор журнал «Народное образование» и синодальной газеты «Приходский листок» (с 1914 г.).

[10] П. Мироносицкий. Явное и сокровенное в богослужебных песнопениях. Заметки по поводу книги Н. Нахимова. «Церковные ведомости», 1913, № 2, с. 90—99; № 3, с. 142—149.

Н. Нахимов. Мой ответ на критику г. Мироносицкого. Ibid., № 12, с. 572—588.

Мироносицкий. Несколько примечаний к антикритике Нахимова. Ib., № 14, с. 687.

Нахимов. К истолкованию некоторых священных церковнославянских текстов. «Церковные ведомости», 1911, № 51—52, с. 2287—2291.

Мироносицкий. Тропарь 4-й песни Пасхального канона (по поводу предложечного г. Н. Нахимовым перевода тропаря). «Церковные ведомости», 1912, № 3, с. 113—117.

Нахимов. Третье прошение великой ектении (по поводу исследования г. Н. Пальмова (Н. Н. Пальмов — проф. КДА по кафедре церковной археологии. О нем выше): «К изъяснению третьего прошения великой ектении». Киев, 1911). «Церковные ведомости», 1911, № 22, с. 945—952 (о всемировом единстве).

[11] «Столп злобы богопротивныя божественнии отроцы обличиша...» — «Святые отроцы подвергли бесчестию столб с мерзким истуканом» (Нахимов).

Твое воскресение»[1], ирмос 1-й песни Космина канона на Воздвижение, в котором «риторическое искусство автора доведено до апогея» (Мироносицкий)[2], ирмос 6-й песни 1-го канона на Успение[3] и, конечно, рождественский задостойник «Любити убо нам», не говоря уже о других словах и выражениях. Нахимову принадлежит и русский перевод с примечаниями некоторых праздничных канонов, опубликованный в ежемесячном приложении к «Церковным ведомостям» — «Приходском чтении». Например, 1-й канон на Рождество Христово[4] и канон на Богоявление Господне[5]. Его критик — П. П. Мироносицкий — составил богословский и филологический комментарий к гимнографическим текстам Св. Пасхи[6] и Пятидесятницы с переводом их на русский язык[7]. Он же перевел на русский язык и образцы древнецерковной гимнографии — полные кондаки преп. Романа Сладкопевца[8] на Св. Пасху[9], неделю Ваий[10], Вознесение Господне[11], Пятидесятницу[12] и Рождество Христово[13].

Кедров Н. И.[14] перевел на русский язык некоторые богослужения в своих изданиях: «Последование святых и спасительных Страстей Господа нашего Иисуса Христа, сиречь последование утрени во святый и Великий Пяток» (М., 1908), «Непорочны, похвалы и канон во святую и Великую Субботу на утрени» (М., 1905), «Канон великий, творение Андрея Критского, Иерусалимского, чтомый в первую неделю поста» (М., 1915).

Отметим еще переводческие опыты автора распространенного учебника греческого языка Михаила Григоревского: 1) «Ирмосы воскресные 8-ми гласов, двунадесятых праздников, а также Великого Четвертка и Великой Субботы. Славянский текст с русским переводом» (СПб., 1900); 2) «Некоторые песнопения из служб воскресных, на дни первой недели Великого поста и Страстной, на Святую Пасху, на двунадесятые праздники и на дни общечтимых святых. Славянский текст с русским переложением» (Почаев, 1909).

---

[1] «Слава Промыслу Твоему, в котором Ты, предавшись полному субботнему покою, даровал нам на веки всесвятое Твое из мертвых воскресение» (Нахимов). «Слава Твоему смотрению, которым Ты, совершив все, даровал нам вечное субботство — Свое из мертвых всесвятое воскресение» (Мироносицкий).

[2] «Моисей, начертав жезлом продольную (линию) креста, разделил Чермное море так что Израиль пошел по нему пешком, ударив же по морю поперек, против фараоновых колесниц, он изобразил непобедимое оружие и вновь соединил море. Поэтому запоем Христу Богу нашему, ибо Он прославился» (Нахимов). «Моисей, начертав крест вдоль, жезлом рассек Чермное море для Израиля перехода: то же море, наоборот, для колесниц фараона он, плеснув руками, соединил, написав непобедимое оружие и поперек...» (Мироносицкий).

[3] «Грозившая гибелью опасность в море, внутрь рожденного в морской пучине кита, была Твоего тридневного погребения прообразом, который явил Иона; ибо, спасенный невредимым, каким был поглощен, пророк воскликнул...» (Нахимов). «Направсен пучинородный китов внутренний огнь, некое предъизображение Твоего тридневного погребения: в нем Иона явлен провозвестником, ибо сохраненный таким, как был поглощен, он, невредимый, взывал...» (Мироносицкий).

[4] «Приходское чтение», 1911, № 21, с. 461—466.

[5] Ibid., 1912, № 22, с. 493.

[6] Толковое богослужение. Вып. 1. Воскресения день. Пасха — Христос Избавитель в песнопениях пасхальной утрени. (Приложение к «Церковным ведомостям» за 1913 г.)

[7] Тайна Пресвятой Троицы и Утешитель — Дух Святой в песнопениях недели Пятидесятной. (Приложение к «Церковным ведомостям», 1913, № 21).

[8] Ср. П. Цветков (проф. МДА). Песни св. Романа Сладкопевца на Страстную седмицу в русском переводе (стихотворном). М., 1900, 212 стр. Ср. отзыв проф. М. Д. Муретова. «Журналы МДА за 1902», с. 12—48 и отдельно.

[9] «Приходское чтение», 1913, № 38, с. 1054—1089.

[10] На славянском языке. Ibid., 1914, № 50, с. 1493—1497.

[11] Ibid., 1914, № 2, с. 49—56.

[12] Ibid., 1914, № 3, с. 81—86.

[13] Ibid., 1912, № 33, с. 885.

[14] В 1910 г. он прочитал в Моск. Обществе Любителей Духовного Просвещения доклад: «Замечания и соображения о реформе богослужебного славянского языка в Православной Русской Церкви» (ЧОЛДП. 1910. V—VI, с. 288).

Над исправлением богослужебного текста трудился и Михаил Добронравов: 1) «Опыт исправления церковно-славянского языка в Великом каноне» [1] и 2) в канонах на Рождество Христово, Богоявление и Пятидесятницу [2].

Перевод гимнографических текстов дан в замечательной эортологической энциклопедии, ожидающей своего продолжателя, киевского литургиста — проф. КДА Михаила Николаевича Скабаллановича [3] «Христианские праздники. Всестороннее освещение каждого из великих праздников со всем его богослужением» (изд. киевского журнала «Проповеднический листок»). Эта, к сожалению, незаконченная серия стала выходить с 1915 г. и до революции успело выйти 6 выпусков, именно: книга 1. Рождество Богородицы; книга 2. Воздвижение Честнаго Креста; книга 3. Введение во храм Пресвятой Богородицы; книга 4. Рождество Христово; книга 5. Пятидесятница; книга 6. Успение Пресвятой Богородицы. Эти книжки Скабаллановича для литургиста дают несравненно более ценный и богатый материал, чем выходившая в начале столетия серия праздничных богослужебных сборников Московской Синодальной типографии, в которых имеются объяснения и переводы трудных мест богослужебных текстов [4].

Необходимо указать еще на одну серию дешевых книжек для церковного народа, изданную С.-Петербургским Епархиальным Миссионерским Советом: «Слово Жизни в богослужебных песнопениях Православной Церкви, избранных для общенародного пения», тоже с объяснениями трудных мест. Особенно интересны выпуски III, IV и V [5].

Что касается литургийного текста, то русский перевод его дан, например, в книге одесского протоиерея С. Петровского «Порядок совершения святой и божественной литургии св. Иоанна Златоуста. Опыт перевода с церковно-славянского языка на язык русский» (Одесса, 1908, 134 стр.) [6].

Для лиц, интересующихся проблемой текста Служебника, и справщиков полезны, например, первое критическое издание литургии св. Василия Великого, к сожалению, далекое от полноты, прот. М. И. Орлова «Литургия св. Василия Великого» (СПб., 1909) [7], библиографическая заметка московского прот.-профессора Василия Михайловича Металлова «Разночтения в греческом и славянском служебнике [8].

Таким образом, в начале XX в. исправление богослужебного текста стало актуальным. Возродилась синодальная Комиссия по исправлению богослужебных книг, созданная в 1881 г., но деятельность ее совершенно

---

[1] «Вера и разум», 1907, IX, с. 285—295.

[2] Ibid., 1903, II, с. 109—126; III, с. 47—60; 1905, VIII, с. 431—448.

[3] О нем, например, см. «Извлечения из протоколов Совета КДА за 1906—1907», с. 56—59.

[4] Например, «Рождество Христово. Служба на праздник Рождество, еже по плоти Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, с приложением минейных сказаний, избранных статей, объяснительных примечаний и нотных песнопений» (М., 1906, 223 стр.) Другие сборники: «Благовещение» (1902); «Вход Господень во Иерусалим» (1903); «Успение» (1906); «Обрезание» (1907); «Воздвижение» (1907); «Введение» (1907); «Преображение» (1909); «У Гроба Спасителя» (1909).

[5] Вып. III. Утреня Великой Пятницы и Великой Субботы. В изд. 2-м прибавлена и вечерня Великого Пятка. Вып. IV. Богородичные двунадесятые праздники (СПб., 1913, 230 стр.). Вып. V. Служба на дни двунадесятых праздников Господских (СПб., 1913). [Вып. I. Стихиры, тропари, кондаки, ирмосы и другие тексты воскресной и праздничных служб. Молитвы. Вып. II. Акафисты на каждый день седмицы (тоже с объяснением трудных мест). СПб., 1912].

[6] В основу перевода положен Служебник 1887 г. См. рецензию проф. А. Бронзова «Церковные ведомости», 1907, № 47, с. 2101—2102.

[7] Ср. отзыв А. Дмитриевского в «Сборнике Отчетов о премиях и наградах, присуждаемых Имп. Академией Наук» IV за 1909 г. СПб., 1912.

[8] Автор пользуется одесским изданием (1911 г.) греческого Евхология «Ἐγχόλπιον λειτουργικόν». См. ЧОЛДП, 1917, I—III, с. 37—48.

заглохла в конце 80-х годов. Непосредственный толчок к книжной справе, о котором пророчествовал святитель Феофан Затворник, был дан настоятелем петербургского Казанского собора прот. Димитрием Тимофеевичем Мегорским [1].

Для него необходимость исправления богослужебного текста стала совершенно очевидной. В 1904 г. он поместил в «Православном русском слове» статью «Нужда исправления наших церковнославянских богослужебных книг» [2]. Пользуясь печатной Триодью Постной, над которой он добровольно трудился в течение долгого времени, сличая ее с греческим текстом, он показал, что в наших богослужебных книгах «немало погрешностей и, прежде всего, опечаток, не случайных, а таких, которые не должны бы иметь места и тем не менее получили, так сказать, права гражданства, повторяются из года в год и переходят, переносятся из одного издания в другое». Прот. Мегорский вдохновенно призывал к исправлению книг, убеждая, что «протопреи и священники XX века должны выполнить то, что совсем было не под силу современникам Максима Грека, должны исправить и доделать то, чего не доделали и в чем погрешили никоновские справщики» [3].

Свои труды по сличению Триодей прот. Мегорский в 1903 г. представил митрополиту Петербургскому Антонию (Вадковскому), который и внес их на рассмотрение Св. Синода. Было постановлено образовать специальную комиссию и передать ей рукописи Мегорского [4].

Однако окончательно Комиссия по исправлению богослужебных книг сорганизовалась в 1907 г.

Согласно неопубликованному в «Церковных ведомостях», так как справа и труды Комиссии не были предметом гласности, о чем не без сарказма писали старообрядческие полемисты [5], определению Св. Синода от 15 февраля — 2 марта 1907 г. в состав [6] Комиссии вошли под председательством Сергия, архиепископа Финляндского и Выборгского [7], следующие лица: 1) энтузиаст и инициатор справы — протопрей Димитрий Тимофеевич Мегорский, принимавший ревностное участие в работах Комиссии буквально до своей смерти (он скончался через четверть часа после ее последнего заседания) [8]; 2) профессор СПбДА Евграф Иванович Ловягин [9], известный переводчик канонов в 50-х годах, который, впрочем, по старости (ему было 85 лет) не принимал особого

---

[1] (1841—1909). Магистр XXVII курса (1863—1867) СПбДА. О нем: Родосский. Словарь, с. 264—269. «Церковный вестник», 1909, № 7, с. 218. Некролог (принадлежащий прот. А. Надеждину) «Памяти прот. Д. Т. Мегорского». «Церковные ведомости», 1909, № 30, с. 1397—1401.

[2] №№ 2, 6, 9 и отдельно 1904. Здравомыслов К. Я. Записки Академии Наук по историко-филологическому отделению, т. X, прим. 2, с. 69.

[3] Цитируется по «Церковному вестнику», 1904, № 41, с. 1303.

[4] «Церковные ведомости, 1909, № 30, с. 1400. Дело о рукописях прот. Д. Мегорского, содержащих замечания по сличению славянского и греческого текстов книги Триодь Постная. Начатось в 1911 г. по 1 столу VI отделения. ХЧ, 1911, V, с. 647—648, примеч.

[5] Например, Сенатов В. (Г.) Новая церковно-книжная реформа. «Слово Церкви», 1915, № 19, с. 443—445.

[6] Официальная записка «Об издательском Совете». «Церковные ведомости», 1913, №№ 18—19, приб., с. 798.

[7] Страгородский (1867—1944), Патриарх Московский и всея Руси, большой знаток и любитель богослужебных книг (личные воспоминания автора), ежедневно вычитывавший службы по ним, творец многих акафистов, например, препп. Сергию и Герману, Валаамским чудотворцам (1907), иконе Божией Матери «Умиление», напечатанного в «Сергиевских листках», Париж, 1933, № 7 (69), с. 15—20. О нем см. Патриарх Сергий и его духовное наследство, изд. Московской Патриархии, 1947. Митр. Елевферий. Неделя в Патриархии (впечатления и наблюдения от поездки в Москву). Париж, 1933, с. 82.

[8] Здравомыслов. Op. cit., с. 69.

[9] (1822—1909).

частия; 3) профессор СПбДА Николай Никанорович Глубоковский[1] (с 14 марта 1907 г.); 4) справщик С.-Петербургской Синодальной типографии Николай Фавстович Гуриловский[2].

После смерти Мегорского и Ловягина в 1909 г. их заменили начальник архива и библиотеки Св. Синода Константин Яковлевич Здравомыслов[3], библиотекарь рукописного отделения Имп. публичной библиотеки Хрисанф Мефодьевич Лопарев[4] и профессор литургики СПбДА Иван Алексеевич Карабинов[5].

В работах Комиссии принимали участие известные ученые слависты и византологи академики Алексей Иванович Соболевский[6] и Василий Васильевич Латышев[7], бывший духовный цензор епископ Сарапульский Мефодий (Великанов)[8], профессора СПбДА Иван Евсеевич Евсеев[9], Димитрий Иванович Абрамович[10] и Владимир Николаевич Бенешевич[11],

---

[1] (1863—1937). О нем см., например, 35-летие ученой деятельности проф. Н. Н. Глубоковского. София, 1925, особенно с. 57; Цоневски И. К. Тридесят години Духовната Академия в «Годишник на Духовната Академия св. Климент Охридски», т. V (XXXI), София, 1956, с. 493—494, 516—519.

[2] Действительный студент СПбДА XL курса (1884—1888), член Учебного Комитета при Св. Синоде (с 1914 г.), принимавший деятельное участие в издании новой богослужебной книги, содержащей 16 служб чудотворным иконам Божией Матери и святым, главным образом, русским в 1909 г. (изд. 2-е с оглавлением) «Минея дополнительная». Об этой книге и ее источниках — его статья в «Церковных ведомостях», 1909, № 51—52, приб., с. 2441—2447. Он же составлял и сборник «Молитвы Господу Богу, Пресвятой Богородице и святым угодникам Божиим, чтомые на молебнах и инех поклонениях» (Пгр., 1915, 232 л., см. Пятидесятилетие высочайше утвержденной Комиссии по разбору и описанию Архива Св. Синода (1865—1915). Историческая записка. Пгр., 1915, с. 452), по количеству материала в несколько раз превосходящий первый опыт такого сборника молитв, крайне необходимого при совершении молебнов в домах верующих,— труд настоятеля С.-Петербургского Адмиралтейского собора прот. Алексея Андреевича Ставровского (кандидат богословия XXXIV курса СПбДА (1857—1861)). Родосский. Словарь, с. 476—477. Ставровский А. С.-Петербургский собор во имя свят. Спиридона. СПб., 1906, с. 257—260. «Полный сборник молитв Спасителю, Пресвятой Троице, Божией Матери и святым угодникам Божиим, чтомых пред святыми иконами на молебнах и всенощных бдениях». СПб., 1909.

[3] О нем см. Пятидесятилетие.., с. 270—277. Его статья «О пересмотре текста священных и богослужебных книг» в «Церковных ведомостях», 1906, № 11, приб., с. 589—591.

[4] (1862—1918). О нем см., например, Имп. Московское Археологическое Общество в первое 50-летие его существования (1864—1914), т. II. М., 1915, с. 208—210. Некролог («Припоминания») В. И. Срезневского. «Русский исторический журнал», 1918, V, с. 327—342.

[5] Специалист по Триоди Постной, магистерская диссертация «Постная Триодь. Исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов» (СПб., 1910). Ее дополнение «К истории исправления Триоди Постной при патр. Никоне». ХЧ, 1911, V—VI, с. 627—643.

[6] (1856—1930). Пятидесятилетие.., с. 242—247. Материалы для биографического словаря действительных членов Академии Наук, II. Пгр., 1917, с. 157—170. Известия АН СССР, 1930, с. 24—31 и дополнение к ним: Перетц В. Н. Список научных трудов... за 1914—1929 гг.

[7] (1855—1921). Материалы... I, Пгр., 1915, с. 413—430. 2 некролога в «Византийском временнике», XXIV, с. 105—130. Памяти В. В. Латышева. «Известия АН СССР», 1926, с. 677—684.

[8] (1852—1914). Кандидат Московского университета по историко-филологическому факультету. Некролог. «Церковные ведомости». 1914, № 6, приб., с. 364; ср. «Церковные ведомости», 1909, № 16, приб. с. 715.

[9] (1868—1921). Профессор по кафедре русского и церковнославянского языков с палеографией, член-корреспондент АН (с 1914 г.), инициатор и вдохновитель комиссии по научному изданию славянской Библии. Пятидесятилетие.., с. 330—332.

[10] (1873—1955). Профессор СПбДА, Вильнюсского (Виленского) университета, описатель Софийского собрания рукописей академической библиотеки, член-корреспондент АН СССР. Некролог И. П. Еремина в «Трудах Отдела древнерусской литературы Института русской литературы», XI, Лгр., 1955, с. 506—510. «Известия АН СССР», 1921, с. 63—64.

[11] О нем см. Записка об ученых трудах В. Н. Бенешевича. «Известия АН СССР», 1924, с. 536—538.

заведующий богословским отделением имп. публичной библиотеки Афанасий Иванович Пападопуло-Керамевс[1] и известный литургист Алексей Афанасьевич Дмитриевский[2].

Обязанности секретаря последовательно исполняли обер-секретарь Синода Георгий Никанорович Левицкий[3], секретарь Московской Синодальной конторы Владимир Фотиевич Трелин[4] и Николай Леонидович Верзин[5].

Предварительные труды прот. Мегорского над Постной Триодью определили ту книгу, с которой начала справу эта высококвалифицированная Синодальная Комиссия. К сожалению, о ее занятиях мы имеем очень мало сведений, и то большей частью случайных, так как архив Св. Синода является пока недоступным. Известно, например, что деятельность Комиссии за 1907—1908 гг. была одобрена Синодом, который в декабре 1908 г. определил: «Принятые комиссией общие начала исправления славянского текста (книга — Триодь Постная) одобрить и благословить ее продолжать свою работу в том же направлении»[6], но «руководственные указания, преподанные Св. Синодом комиссии» (определение от 11—18 декабря 1908 г. № 8969), не были опубликованы. Имеются сведения, что членом комиссии — проф. И. Е. Евсеевым, большим специалистом по истории славяно-русской Библии, был поднят важный вопрос о замене Елизаветинского библейского текста паремий современной Триоди, введенного в эту книгу определением Синода от 28 октября 1763 г.[7], древним — паремийным. Однако Синод 30 апреля 1909 г. за № 3788 в ответ на запрос комиссии определил, что «не находит достаточных оснований к замене принятого ныне в Триоди Постной паремийного текста древней редакцией его»[8].

Небезынтересны подробности последнего заседания Комиссии с участием ее инициатора — прот. Д. Мегорского. В январе 1909 г. она перешла к справе синаксарей, многие места которых чрезвычайно трудны для понимания в их славянской словесной оболочке. 27 января Комиссия занималась синаксарем субботы мясопустной, в котором, между прочим, говорится о «похищенных внезапной смертью» и отмечается, что «сообразно образу жизни каждого, воля Божия назначает время и род смерти». Участники заседания вспоминали, как прот. Мегорский назвал пустым наивное рассуждение синаксаря о сохранении сердца умершего до 40 дня[9] и не без усмешки говорил о том, что его сердце стало бы разрушаться лишь весной, если бы он умер зимой. Вернувшись домой с заседания, прот. Мегорский сразу же (в 10 ч. 30 м. вечера) скончался от паралича сердца[10].

Недолго поработал в Комиссии инициатор справы, но дело было сдвинуто с мертвой точки, и Комиссия продолжала исправление Триоди Постной. Вероятно, ее трудами вызваны некоторые статьи в офици-

---

[1] (1855-56 — 1912). О нем, например, Дмитриевский. А. И. Пападопуло-Керамевс и его сотрудничество в научных изданиях Палестинского Общества. СИППО. 1913, (XXIV), с. 374—388, 492—523. Лопарев Хр. А. И. Пападопуло-Керамевс. ВВ. 1912, (XIX), отд. 2. с. 182—212. Некролог. «Церковный вестник», 1912, № 49, с. 1563—1565.

[2] (1856—1929). Профессор литургики Киевской Духовной Академии. Секретарь Имп. Прав. Палест. Общества.

[3] Кандидат богословия СПбДА, вып. 1890 г. В 1918 г.— начальник II Отдела канцелярии Священного Синода.

[4] Кандидат богословия МДА, вып. 1888 (?) г. Секретарь 1 экспедиции Московской Духовной Консистории (1916).

[5] Кандидат богословия СПбДА, вып. 1906 (?) г. Помощник столоначальника Хоз Управления при Св. Синоде (1916).

[6] «Церковные ведомости», 1909, № 30, приб., с. 1400.

[7] Подробнее: Никольский А. Софроний Младенович... с. 146—148.

[8] ХЧ, 1911, V, с. 647—648, прим.

[9] «Четыредесятины же, яко и самое сердце тогда погибает».

[10] «Церковные ведомости», 1909, № 30, приб., с. 1401.

альном органе — «Церковные ведомости», например, А. Зверева [1] «Две возможные поправки в церковно-славянском переводе «похвал», поемых на утрени Великой Субботы» [2] и церковного публициста А. Папкова «Об исправлении перевода богослужебных книг и о преобразованиях в наших богослужебных чинопоследованиях» [3].

Пока Комиссия продолжала работать в тишине, не предавая гласности своих трудов, управляющий Московской Синодальной типографией Сергей Дмитриевич Войт, в 1907 г. высказывавшийся против книжной справы [4] из-за опасения нового раскола, в 1909 г. представил Синоду проект об учреждении «на старом Печатном Дворе при Московской Синодальной типографии особого Комитета для пересмотра книг богослужебных, библейских и других». «Цель этого пересмотра заключается в том, чтобы привести к единообразию тексты различных изданий книг богослужебных и библейских... и произвести в них необходимые улучшения на основании древних памятников, старопечатных книг и новейших трудов по изучению церковно-библейской истории и археологии, а также согласно научным требованиям логики и филологии (§ 2)». Этот проект [5], по которому все дело справы богослужебных книг фактически было бы передано в ведение Управляющего Московской Синодальной типографией, не был одобрен Синодом, ввиду существования уже Комиссии по исправлению текста. Впрочем, через несколько лет Синод определением от 26 марта — 4 апреля 1913 г. за № 2660 образовал при Синоде Издательский Совет [6]. § 6 «Положения» о нем, касающийся исправления богослужебных книг, почти дословно повторяет проект Войта.

Плодами деятельности Комиссии по исправлению богослужебных книг явились исправленные издания «Триодиона сиесть Трипеснца», в 1912 г. и «Пентикостариона» [7] в 1913 г. Новый исправленный текст Триоди вошел и в «Службы на каждый день Страстной седмицы» (I—II, 1913).

В следующем году Синод разрешил Комиссии начать печатание в исправленном виде 1-й части «Октоиха» (гласы 1—4) под редакцией архиепископа Финляндского и Выборгского Сергия [8].

Патриархом Сергием лично были исправлены каноны на Рождество Христово, Крещение Господне и праздник трех Вселенских Святителей, читавшиеся в Выборге в Крестовой церкви архиерейского дома и кафедральном соборе [9].

---

[1] Не Александр ли Михайлович, секретарь I экспедиции СПб. Духовной Консистории, кандидат богословия МДА, вып. 1874 (?) г.?

[2] Именно 43-й похвалы I статьи и 28-й похвалы II статьи. «Церковные ведомости», 1907, № 14, с. 645—648.

[3] «Церковные ведомости», 1907, № 37, с. 1580—1582; № 38, с. 1634—1638.

[4] «Вопрос об исправлении... книг богослужебных... едва ли удобно поднимать в теперешнее время, когда наблюдается такое сильное падение религиозности, когда шатание умов достигло до высшего напряжения. Если в такое время начать исправление привычных текстов, может получиться в виде неожиданного результата появление второго раскола, который уже нельзя будет прекратить средствами, применявшимися в старину» «Об Издательском Совете». «Церковные ведомости», 1913, № 18—19, приб., с. 799—800.

[5] «Церковные ведомости», 1913, № 18—19, с. 272—275.

[6] О составе Издательского Совета см. «Церковные ведомости», 1913, № 48, приб., с. 2253. Председателем был назначен архиепископ Никон, бывший Вологодский.

[7] Экземпляр старого «Пентикостарнона» с чернильными и карандашными исправлениями и пометками с привлечением греческого текста, находившийся в пользовании Комиссии, хранился у автора этих строк до 1940 г., когда он погиб вместе с исправленной Триодью, к величайшему сожалению, в Выборге во время войны.

Особенно большому исправлению подверглись синаксари и каноны Пятидесятницы.

[8] «Церковные ведомости», 1914, № 17, приб., с. 820; «Церковная правда», 1914, № 11, с. 347.

[9] Воспоминания автора. Первые два канона у него имеются.

По сведениям епископа Гурия (Егорова), Комиссией был исправлен и издан Канонник [1].

Вероятно, по представлению Комиссии Синод утвердил исправленный текст «Чина Божественной Литургии Преждеосвященных Даров» и постановил ввести его в полный служебник [2], но это определение по какой-то причине не было проведено в жизнь, так как текст Служебника 1917 г. не отличается от прежних изданий. К сожалению, невозможно сказать, какие исправления были произведены, была ли изменена, например, статья «Изъявление о некиих исправлениях в служении преждеосвященной литургии», и насколько повлияла на справу вызванная ею актовая речь члена Комиссии проф. И. А. Карабинова «Св. Чаша на литургии Преждеосвященных Даров» [3]. Можно, однако, предполагать, что отношение к ней членов Синода было скорее отрицательным, так как она не была прочитана Карабиновым на акте в Петроградской Духовной Академии, а его речь была о Студийском Уставе [4], тоже на актуальную тему.

В начале революции Синод одобрил представление Комиссии об изменениях в богослужебных книгах, вызванных политическими событиями [5]. К сожалению, изданные по благословению Св. Синода исправленные издания богослужебных книг, особенно Триоди Постной и Пентикостариона, распространялись довольно медленно, встречая во многих местах (например, в Валаамском монастыре) оппозицию. Исправленный текст ирмосов почти нигде не привился, так как певчие пользовались старыми нотными книгами. Эти новые издания не получили оценки и в духовной литературе со стороны заинтересованных лиц, будучи почти замолчаны. Профессор литургики Киевской Духовной Академии свящ. В. Прилуцкий прочитал в 1914 г. в Церковно-историческом и археологическом обществе при Академии доклад «О новоисправленной Постной Триоди» [6], но он не был напечатан.

Старообрядцы подвергли и этот новоисправленный текст резкой критике, защищая превосходство иосифовского текста перед ним, не говоря уже о никоновском [7]: «При Никоне текст был переделан безрассудно, а теперешние «исправители» внесли еще большую путаницу и бестолковщину» [8]. Даже в тех случаях, когда справщики вернулись к иосифовскому тексту, критиков не удовлетворяет вполне естественная перестановка слов, облегчающая понимание текста. Например, в стихире недели Мытаря и фарисея: 1) иосифовский текст: «и долу влекущих злых стремлений уклонимся», 2) никонов текст: «и долеревностныя злобы стремлений уклонимся»; 3) новый синодальный: «уклонимся от стремлений долувлекущия злобы». Еще пример. 1) Иосифов: «сокрушенный образ обновляя благостию», 2) Никонов: «сокрушенный образ обновляя благостынею», 3) новый синодальный: «благостию обновляяй сокрушенный образ».

Крайняя осторожность, с которой Синод подходил к книжной справе богослужебных книг, сказалась и в его отношении к неотложному

---

[1] Еп. Гурий (Егоров). Патриарх Сергий как богослов. Патриарх Сергий и его духовное наследство, с. 132.

[2] «Псковские епарх. ведомости», 1915, № 5, с. 118.

[3] ХЧ, 1915, VI, с. 729—753; VII—VIII, с. 953—964. Впрочем, старообрядческий критик говорит о переработке литургии Преждеосвященных Даров. Сенатов В. «Слово Церкви», 1915, № 19, с. 443.

[4] Студийский Типик в связи с вопросом о реформе нашего богослужебного устава. ХЧ, 1915, IX, с. 1051—1062.

[5] «Церковные ведомости», 1917.

[6] Отчет Общества за 1914 г. (в приложении к ТКДА, 1915, V), с. 11.

[7] См., напр., Сенатов В. Новая церковно-книжная реформа. «Слово Церкви», 1915, № 19, с. 443—445, и Характер новой книжной реформы. «Слово Церкви», 1915, № 29, с. 657—659.

[8] «Слово Церкви», № 29, с. 659.

делу регламентирования богослужения в приходских храмах, о котором было так много написано в духовных журналах и «Отзывах епархиальных архиереев».

Протопресвитер армии и флота Г. Шавельский в своих «Воспоминаниях» рассказывает, как во время войны 1914—1917 гг. ему не удалось склонить первенствующего члена Синода — митрополита Владимира на утверждение Синодом порядка совершения богослужения, толково сокращенного, для армии и флота. «Что Вы, что Вы! — вскрикнул митрополит.— Вы хотите, чтобы на нас обрушились старообрядцы и наши ревнители уставных служб и начали обвинять нас Бог весть в чем. Я решительно протестую против такого предложения». «Я, Владыка, ничего нового не вношу: сокращения, везде и всюду, не исключая и монастырей, делались и делаются, только чаще всего делаются без смысла, безобразно, являясь соблазном для многих; я считаю необходимым положить конец этому соблазну, искажающему часто наше богослужение до неузнаваемости. Что же, Вы стоите за то, чтобы безобразие оставалось безобразием?» «Делайте, что хотите, от своего имени и под своей ответственностью, а Синод не может решиться на такой шаг»,— ответил митрополит. «Значит, Вы позволяете мне самостоятельно разрешить этот вопрос?» — спросил я. «Это Ваше дело»,— ответил митрополит.

Протопресвитер провел свой проект через государя и оповестил об этом подчиненное ему духовенство, «включив потом высочайше одобренный порядок служб в изданную им для священников инструкцию» [1] Синодальная Комиссия не имела времени заняться Типиконом. Однако в связи с многочисленными пожеланиями, как мы видели, замены его образцовым Уставом, который служил бы фактическим руководством для всех приходских храмов, интересно познакомиться с взглядами председателя Комиссии — архиеп. Сергия. Еще в 1906 г. им был сделан в соединенных заседаниях VI и VII отделов Предсоборного Присутствия (17 и 27 мая) доклад [2] об особенностях Типикона Великой Константинопольской Церкви (Τυπικὸν Ἐκκλησιαστικὸν κατὰ τὴν τάξιν τῆς τοῦ Χριστοῦ Μεγάλης Ἐκκλησίας), составленного протопсалтом Константином и одобренного к употреблению в приходских церквах в 1851 г. [3] Архиеп. Сергий, указав на то, что этот Устав в изменяемых и неизменяемых частях богослужения, за некоторыми исключениями, почти совпадает с нашим *Типиконом, обращает внимание на основную особенность этого Устава* — практичность, «стремление, так сказать, сконцентрировать богослужение, т. е. приурочить, по возможности, все наиболее торжественные священнодействия к одной какой-нибудь службе и даже к одному ее моменту, для чего допускаются иногда значительные отступления от обычного расположения служб. «Устав не знает всенощных бдений. За вечерней молится только ревнитель из мирян. Лития совершается утром перед шестопсалмием. Евангелие на воскресной утрени, не имеющей полиелея, читается после Песни Богородицы перед великим славословием, за которым следует Литургия (сугубая и просительная ектении тайно вычитываются во время великого славословия). На утрени Великой Субботы «похвалы» выпеваются после 9-й песни канона перед малой ектенией (17-я же кафизма и 12 из 15 паримий вечерни Великой Субботы вычитываются до утрени). «Такая концентрация богослужения, несомненно, удачно примиряет два противоположных течения в церковном обществе. Ревнители могут прийти на все службы и услы-

[1] Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. Нью-Йорк, 1954, с. 405—407.

[2] Журналы и протоколы заседаний высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. II, с. 301—302.

[3] Архиеп. Сергий пользовался афинским изданием 1864 года. Особенности см. Скабалланович М. Толковый Типикон. Вып. 1. Киев, 1910, с. 192—191.

шать ее во всей полноте. Тот же, кто не имеет сил или времени на это, может придти только утром и даже ко второй половине утрени и всегаки не лишится участия в наиболее умилительных и назидательных священнодействиях». Сам Патриарх Сергий, очевидно, находил, что «введение у нас Константинопольского Устава», с которым он познакомился на практике во время своего пребывания в Афинах в 1894—1895 гг., «даст нам богослужение, сокращенное по известной норме, и тем положит конец соблазняющим многих произвольным сокращениям» [1].

Патриарх Сергий, предлагая введение для приходских храмов особого Типикона, сам был сторонником и любителем уставного богослужения, о котором ревновал не только в монастырях, но и в своей Крестовой церкви, и в кафедральном соборе г. Выборга [2], где уже на рубеже XIX—XX вв. были введены продолжительные уставные богослужения архиеп. Николаем (Налимовым) [3].

Патриарх Сергий вместе с митр. Антонием (Храповицким) [4] и епископами — их постриженниками и учениками возродил в России в начале XX в. среди духовенства и мирян интерес и любовь к уставному богослужению, к поэтическим красотам и богословию церковной гимнографии, к литургическому богословию.

Необходимо отметить вклад в этот литургический ренессанс и киевской группы энтузиастов — литургистов: еп. Гавриила (Чепура) [5], профессоров Киевской Духовной Академии Михаила Николаевича Скабаллановича и протоиерея Василия Дмитриевича Прилуцкого. Им принадлежит инициатива совершения 10 ноября 1912 г. в Свято-Духовской церкви Киевского Братского монастыря уставной так называемый «идеальной» всенощной [6], которой нигде не служили в России после XVII в. В богослужении участвовали студенты: священник Захария Саплин [7] и иеродиакон Нектарий (Травинский) [8], а в организации хорового пения потрудился Иван Аркадьевич Лаговский [9].

Нашлись подражатели. В 1915 г. «уставную» всенощную отслужили в храме Владимирской Духовной Семинарии [10], ректором которой был архим. Павел (Борисовский) [11].

Киевская всенощная вызвала к себе большой интерес со стороны

---

[1] Добавим, что желательно было бы принять некоторые особенности Константинопольского Устава, например, пение особых антифонов на литургии в Богородичные двунадесятые праздники, замена «Честнейшей» припевами 9-й песни канона Богородичных праздников и в воскресный день, перенесение отдания недели о Слепом (с предпразднеством Вознесения) на вторник 6-й седмицы по Пасхе, перенесение Благовещения с Великого Пятка на Неделю Пасхи, сохранение согласно древней русской практике празднования Сретения и в понедельник 1-й седмицы Св. Четыредесятницы.

[2] Воспоминания автора.

[3] (1852—1914). «Церковные ведомости», 1914, № 29, с. 1310—1312; «Владимирские епарх. ведомости», 1914, № 30, с. 555—563; 1914, № 31, с. 571—583.

[4] (1863—1936). См., напр., Никон (Рклицкий), еп. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. I, Нью-Йорк. 1956, с. 183, 188—189 т. II, Нью-Йорк, 1957, с. 11, 63—65, 72—75. Иоанн (Максимович), архиеп. Шанхайский. Высокопреосв. Антоний, архиеп. Харьковский и Ахтырский. «Православный путь» (церк.-философ. ежегодник). Jordanville, 1950, с. 3—4.

[5] Канд. богословия КДА вып. 1896 г. (1874 — год смерти неизвестен). Характеристика у архим. Киприана (Керна). Тема о человеке и современности. «Православная мысль», Париж, 1948, VI, с. 125—126.

[6] Описана: «Из академической жизни». ТКДА, 1912, XII, с. 673—677. И подробнее: Скабаллланович М. Толковый Типикон. вып. 2. Киев. 1913, с. 330—336.

[7] Кандидат богословия КДА, вып. 1913 г.

[8] Кандидат богословия КДА, вып. 1915 г. Епископ Яранский, викарий Вятской епархии (1927).

[9] Кандидат богословия КДА. вып. 1913 г.; преподаватель Ветхого Завета в Правосл. Богосл. Институте в Париже (1928—1931), руководитель литургических кружков в Париже и Прибалтике; автор многих статей по литургическому богословию в «Сергиевских Листках» и «Вестнике Русского Христианского Студенческого Движения».

[10] «Тверские епарх. ведомости», 1915 г., № 26, с. 412—413.

[11] Кандидат богословия МДА, вып. 1892 г.

местной церковной интеллигенции, но одновременно показала невозможность ее регулярного служения не только в приходских храмах, но и в кафедральных соборах и даже монастырях.

Литургический ренессанс в начале XX в. вместе с евхаристическим возрождением явился главным средством врачевания небрежного, по временам жутко-кощунственного отношения к богослужению в духовно-учебных заведениях [1].

Этот ренессанс дал отпор проектам литургических «реформ» воспитанных этой школой «реформатствующих иереев», после революции поднявших пресвитерианско-обновленческое, живоцерковное движение. Крайности их «богослужебной реформы», провалившейся благодаря сопротивлению церковного народа, показал в своих импровизированных богослужениях епископ [впоследствии митр. (?)] Антонин (Грановский) [2].

Теперь необходимо отметить одну литургическую тему, поставленную в духовной литературе в начале XX в. и вызванную неподвижностью Типикона и состава богослужебных миней с конца XVII века. Эта проблема касалась более интенсивного употребления в богослужении в монастырях и приходских храмах служб русским святым, из которых лишь немногим современный Типикон определяет общецерковное празднование; большинству же оно совершается только «в обители святого» или «идеже храм» [3]. Был поднят вопрос о том, чтобы в случае совпадения двух памятей — русского и древнего восточного святого — предпочтение отдавалось бы русскому.

Еще в конце XIX в. прокурор Московской Синодальной Конторы и управляющий Синодальной типографией Андрей Николаевич Шишков [4] ревновал о службах русским святым. «Когда я занимал должность в типографии, то усиленно хлопотал об отдании чести и значения русским святым, поставив на второй план иностранных (?) и, хотя одно время дело и пошло было в ход, и нам удалось напечатать праздничную минею отчасти в этом духе, но затем все разбилось о холодность и несочувствие митрополита Палладия, между тем, за сентябрь уже был составлен образцовый текст. Есть же у сербов «Сербляк», содержащий службы одним сербским святым; даже сами греки меньшее число дней празднуют святым греческим в сравнении с нами; в Афинской же церкви тоже свои особые минеи, более сокращенные, чем у нас. Греческое нам всегда дороже, более любо, чем свое» [5],— прибавляет этот русский церковный «патриот».

Такой же точки зрения придерживается и «учрежденная архиепископом Варшавским и Привисленским Иеронимом комиссия по разработке вопросов, подлежащих обсуждению поместного Собора» в 1905 г. «Признавая, что празднование памятей русских святых угодников повсеместно весьма назидательно и благотворно для оживления самосознания народа русского, следовало бы издать распоряжение, чтобы по всем церквам праздновали памяти русских святых в те числа, в которых они положены по верному месяцеслову русских святых, изданному Св. Синодом в 1904 году» [6].

---

[1] Напр., Глубоковский Н. По вопросам духовной школы (средней и высшей) и об учебном комитете при Св. Синоде, СПб., 1907.

[2] Магистр богословия.

[3] Напр., на Валааме преп. Сергию Радонежскому и преп. Арсению Коневскому (основателю соборного монастыря) полагался только полиелей.

[4] (1821—1909), по мнению архиеп. Саввы, «отличавшийся наружной набожностью, хотя в сущности далеко не внутренним благочестием». Архиеп. Савва. Op. cit., т. VIII, с. 303.

[5] Касаткин В. В., прот. Андрей Николаевич Шишков (биографический очерк). Владимир, 1909, с. 40.

[6] Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. СПб., 1906, т. II, с. 237.

Почти одновременно появляется статья А. Воскресенского «Вопрос великой важности» (о замене служб святым Восточной Церкви службами отечественным святым)[1]. Через 8 лет тот же автор, на этот раз уже «Павло-Обнорский чернец Алексий», опубликовал на страницах распространенного монашеского двухнедельника, издававшегося в Почаеве архим. Виталием, «Русский Инок» «Открытое письмо преподобным аввам обителей, возлюбленнейшим отцам и братиям о Христе»[2], в котором призывал... урегулировать вопрос о праздновании дней памяти русских святых. «Отчего бы не заменить служб святых Восточных Церквей службами родственных нам угодников Божиих, оставив в неприкосновенности службы только тем угодникам, которые имеют вселенское значение?.. Вопрос этот, быть может, несколько преждевременный, чрез несколько десятилетий сам собою станет на очереди и потребует безотлагательного решения. Если же переработка состава служебных миней признана будет преждевременною и невозможною, отчего бы не учредить... хотя бы один день памяти всех святых, во благодати в России просиявших, составив для сего дня и соответствующую службу»[3]. Пример должны показать монастыри. Они «прежде всецерковного суждения и решения могли бы ввести в круг своих богослужений отправление празднований нашим отечественным святым, в виде подготовительной меры».

Призыв встретил сочувственные отклики со стороны читателей[4]. Например, «камышевец» иером. Амвросий предлагает ходатайствовать через архиеп. Антония (Храповицкого) перед Св. Синодом «об обязательном и повсеместном отправлении богослужений русским святым»[5]. Редакция журнала со своей стороны предложила анкету, но почему-то в скором времени поднятая тема исчезла совершенно со страниц журнала. Вероятно, крайности высказанных мнений не встретили сочувствия архиеп. Антония, который прекратил обсуждение проекта, придерживаясь «вселенских» взглядов архиеп. Финляндского Сергия. Последний же в своей Крестовой церкви в Выборге всегда давал регенту и уставщику перед службами указания, чтобы полиелейная служба русского святого обязательно соединялась с первой службой дня, указанной в Минее. Например, 25 сентября — преп. Сергию и преп. Евфросинии; 5 июля — преп. Сергию и преп. Афанасию; 19 июля — преп. Серафиму и преп. Макрине; 24 июля — свв. муч. Борису и Глебу и муч. Христине[6].

Мысль же об установлении общего празднования всем русским святым, восстанавливающая древнюю практику Российской Церкви, была осуществлена Священным Собором 1917—1918 гг.[7] Он установил праздник «всем святым, в земли Российстей просиявшим» в первое воскресенье Петрова поста[8]. Была написана специальная служба, до известной степени компиляция из служб русским святым, архиеп. Кишиневским и Хотинским Анастасием. В связи с этим определением Священного Собора находится и передача им 6 (19) апреля 1918 г. на рассмотрение Высшего Церковного Управления доклада Отдела о богослужении, проповедничестве и храме, выработанного в заседаниях 20—29 марта, о желательном внесении в православный церковный календарь на 1919 год всех памятей русским святым[9].

---

[1] «Душеполезное чтение», 1904, VIII, с. 653—659.
[2] Ibid., 1912, № 2, с. 35—42.
[3] Ibid., с. 39, 41, 42.
[4] Ibid., № 7, с. 29—32.
[5] Ibid., № 11, с. 60—61.
[6] Воспоминания автора.
[7] Определение Собора от 13 (26) августа 1918 г.
[8] Ср. в эту неделю святогорский праздник всем преподобным Афонским (служба и похвальное слово преп. Никодима Святогорца).
[9] «Церковные ведомости», 1918, № 17—18 приб., с. 577—578.

На Священном Соборе 1917—1918 гг. были подняты вопросы об исправлении богослужебных книг, о богослужебном языке, о реформе Типикона и календаря, которые оживленно обсуждались в период подготовки к Собору в разных церковных периодических изданиях, в сущности повторяя мысли и аргументы, уже раньше высказанные на эти темы. На Соборе был образован особый отдел «о богослужении, проповедничестве и церковном искусстве» под председательством архиеп. Волынского и Житомирского Евлогия (Георгиевского). Этот отдел, один из самых больших на Соборе, был разбит на подотделы. Один из них под председательством еп. Оренбургского Мефодия (Герасимова) [1] занялся вопросом исправления богослужебного текста. Сразу же подвергся обсуждению вопрос: следует ли сохранить для богослужения славянский текст или перевести все богослужение на русский язык? Многие члены Собора принципиально высказывались за необходимость введения богослужения на русском языке. Эту точку зрения особенно горячо отстаивали многие украинские члены Собора, ревновавшие о немедленном введении в богослужебное употребление украинского языка.

Однако большинство членов отдела защищало сохранение церковнославянского языка с упрощением его и с исправлением непонятных и неправильно переведенных выражений, допуская, впрочем, частичное употребление и русского языка, например, для чтения Священного Писания.

В прениях указывалось на необходимость издания богослужебных пособий — общедоступных переводов богослужения на русский язык — для домашнего употребления. Эти мысли развивались, например, в докладе члена Собора от Вологодской епархии В. К. Лебедева [2], профессора Киевской Духовной Академии П. П. Кудрявцева и председателя подотдела еп. Мефодия [3].

Отдел отверг богослужение на русском и украинском языках. В общем собрании Собора этот вопрос не обсуждался, хотя и поступали вести из Киева о начатом украинскими националистами поспешном переводе богослужения, вводимого явочным порядком, на украинский язык.

Митрополит Евлогий вспоминает, что самый факт обсуждения в отделе вопроса о русском языке вызывал нарекания. «Один из епископов упрекнул меня за обедом в общежитии, что я якобы в угоду украинцам допустил обсуждение, которое он считал недопустимым» [4].

Отдел богослужения занимался и проблемой Типикона и разумного сокращения богослужения без ущерба для церковной гимнографии, украшающей службы праздников. Отдел при участии членов Собора — литургистов, например, проф. СПбДА Ивана Алексеевича Карабинова, проф. КДА протоиерея Василия Прилуцкого, проф. Петроградского университета Бориса Александровича Тураева [5], выработал три типа богослужения: 1) для монастырей и соборов, 2) для приходских храмов — сокращенное, 3) для домовых церквей (при учебных заведениях, приютах, больницах, богадельнях — еще более сокращенное). Этот проект был внесен в Соборный Совет для передачи его общему собра-

---

[1] (1856—1925), кандидат богословия КДА, вып. 1892 г., миссионер. Автор большой статьи «О богослужебном языке Церкви в связи с другими соприкосновенными вопросами церковной реформы». «Оренбургские епархиальные ведомости», 1915, №№ 19—36.

[2] Вероятно, смотрителя Вологодского духовного училища, магистра богословия (1890 г.).

[3] Запись прений в подотделе и докладов отдельных членов дана в неоконченной статье свящ. П. Ильинского «Вопрос о богослужении на Церковном Соборе». «Архангельские епарх. ведомости», 1917, № 23, с. 521—524; № 24, с. 551—555; 1918, № 4, с. 4.

[4] Митр. Евлогий. Путь моей жизни. Париж, 1947, с. 297—298

[5] († 1920).

нию Собора. Однако председатель Совета — митрополит (впоследствии Патриарх) Тихон не дал ходу проекту, «опасаясь нареканий, главным образом, со стороны старообрядцев. С ними... наметились пути сближения, и намерение Собора изменить церковный устав могло встретить с их стороны энергичный отпор: за устав они готовы умереть»[1]. Во всяком случае, навряд ли Собор имел бы время обсудить реформу Типикона. Один только большой доклад отдела о проповедничестве был рассмотрен и одобрен Собором[2].

Согласно «определению Священного Собора о круге дел, подлежащих ведению органов Высшего Церковного Управления», за Священным Синодом были оставлены, вполне естественно, «дела иерархического — пастырского характера из области богослужения:

1) охранение текста богослужебных книг, наблюдение за его исправлением и переводом и, с одобрения Церковного Собора, благословение на печатание вновь составленных или переизданных отдельных служб, чинов и молитвословий;

2) дела, касающиеся богослужебного чина»[3].

[1] Митр. Евлогий Op. cit., с. 297.

[2] Деяния Священного Собора 38 («Всеросс. Церковно-общественный вестник», 1917, № 1; с. 169 и 1918, «Церковные ведомости», 1918, № 1, с. 3—8), 40 («Церковные ведомости» 1918, № 2, с. 62—68).

[3] Напр., «Церковные ведомости», 1918, № 9—10, с. 57. Ср.: в заседании Собора 25 ноября 1917 г. (деяние 52) эта статья по докладу отдела о Высшем Церковном Управлении была принята в такой редакции: «охранение... и издание их с одобрения Церковного Собора, благословение на печатание... дела по обрядовой стороне богослужения и таинств» «Церковные ведомости», 1918, № 13—14, приб., с. 434.